На правах рукописи

Мирошниченко Мария Ильинична

ЖЕНЩИНЫ НА УРАЛЕ В 1920-Е ГГ. – СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.: СТРУКТУРЫ СОЦИУМА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2016

Работа выполнена на кафедре истории ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет)

Научный консультант – **Нарский Игорь Владимирович**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории

Официальные оппоненты: **Щербинин Павел Петрович**
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Сулейманова Рима Нугамановна
доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана ФГБУН «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук»

Мазур Людмила Николаевна
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры источниковедения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Защита состоится «28» октября 2016 г., в 14-00 часов, на заседании диссертационного совета Д 212.298.13 при ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет) (по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Южно-Уральского государственного университета http://www.susu.ru/ru/dissertation/d-21229813/miroshnichenko-mariya-ilinichna.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Г.Т. Камалова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Устойчивая демографическая тенденция преобладания женщин в структуре населения, наблюдающаяся в России с конца XIX в., определяет резкое возрастание социальной роли женщин в российском обществе и как значимого ресурса власти (женщины составляют 53% электората), и как трудового ресурса. Совмещение женщиной участия в общественном производстве с рождением и воспитанием детей, а также ведением домашнего хозяйства стало характерной чертой женского образа жизни. Кризис семьи (в настоящее время значительная часть детей воспитывается «одинокими» мамами), изменения демографического поведения женщин уходят своими истоками во многом в первые десятилетия советской эпохи. Значимость темы связана с активизацией женского движения, с участившимися случаями пренебрежения нормами законодательства по охране материнства и младенчества со стороны частных предпринимателей, ростом женской безработицы, широким распространением проституции. Исследование темы будет полезным и с точки зрения учета исторического опыта поведения различных социальных групп в условиях системного кризиса, через формирование новых моделей поведения, новых социальных ролей.

Степень научной изученности темы. В историографии проблемы развития женского социума на Урале советский научный дискурс, преобладавший в 1920-е – начале 1990-х гг., охватывал собой исследования, выполненные в 1920-е – первой половине 1930-х гг. (в ранний советский период и в период раннего сталинизма), в эпоху зрелого тоталитаризма (во второй половине 1930-х гг. – марте 1953 г.), в периоды «оттепели» и авторитаризма (март 1953 г. – первая половина 1980-х гг.) и перестройки (с апреля 1985 г. до начала 1990-х гг.). Плюрализм, формирование гендерного дискурса в отечественной исторической науке наряду с другими новыми методологическими подходами присущи новейшему, постсоветскому, этапу (от начала 1990-х гг. по настоящее время).

В 1920-е – первой половине 1930-х гг. женский вопрос трактовался как неотъемлемая часть общей борьбы за освобождение рабочего класса. Условием его решения считалось полное равноправие мужчин и женщин. В публикациях 1920-х гг. освещались вопросы участия женщин в социалистическом строительстве[1], нового статуса семьи[2], женского труда[3]. С.Г. Березовская привела данные о численности женской рабочей силы на Урале и в Башкирии в 1930-1931 гг.[4] Изучались персоналии[5]. Обсуждались проблемы материнства и детства[6], проблемы проституции (на мате-

---

[1] Смидович С.Н. Работница и крестьянка в Октябрьской революции. М., 1927; Зорина С.М. Работа партъячейки среди женщин на предприятиях. М.; Л., 1928 и др.

[2] Быстрянский В. Революция и женщина. Пг., 1920; Тараканова С.А. Крестьянка, в ряды МОПР! М., 1926; Енукидзе А.С. Женщина в Советах. М.; Л., 1928; Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. М., 1920; Ильинский И. Право и быт. М.; Л., 1925; Бранденбургский Я.Н. Брак и семья. М., 1926; Кабо Е.О. Очерки домашнего быта: опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. I. М., 1928; Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929; Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937 и др.

[3] Коллонтай А.М. Трудженщины в эволюции хозяйства. М.; Пг., 1923; Каплун С.И. Женский труд и охрана его в Советской России. М., 1921. С. 3-48; Рязанова А. Женский труд. М., 1923; Серебренников Г.Н. Женский труд в СССР. М.; Л., 1934 и др.

[4] Березовская С. Трудящиеся женщины – в социалистическое строительство. М., 1931. С. 6-11, 14.

[5] Борец за раскрепощение работницы К.Н. Самойлова. Сб. ст. 2-е изд. М.; Л., 1925; Блонина Е. Памяти Инессы Арманд. Сб. М.; Л., 1926; Ветров Б. К 60-летию жизни Надежды Константиновны Крупской и 40-летию ее деятельности. М., 1929; Кровицкий Г.А. Путь старого большевика. К 60-летию Е.Д. Стасовой. М., 1933.

[6] Семашко Н.А. Еще о больном вопросе // Коммунистка. 1920. № 3/4. С. 19-20; Василевский Л.М., Василевская Л.А. Аборт как социальное явление. М., 1924. Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества в стране Советов. М.; Л., 1934.

риалах центральных, южных и западных районов)[1].

Становление уральской исторической феминологии[2] происходило в русле общероссийских исторических процессов. Ценные наблюдения о жизни казачек оставлены выдающимися уральскими краеведами[3]. Интересную фрагментарную информацию о роженицах на Урале содержат труды организаторов здравоохранения[4]. Механизмы женского поведения изучали в русле интереса к обрядовости башкирского народа С.И. Руденко и И.А. Стина[5].

Со второй половины 1930-х гг. по март 1953 г. в связи с общим упадком исторической науки, вызванным монопольным распространением догматического марксизма, политическими репрессиями, курсом на ликвидацию краеведческого движения, лишь изредка выходили в свет работы, популяризировавшие достижения в женском вопросе, жизненный путь выдающихся деятельниц женского движения[6]. С принятием в 1931 г. норм судебной ответственности за критику социалистического строя историческая литература приобрела лакировочный характер, представляя действительность в приукрашенном виде.

С весны 1953 г. в условиях общего подъема исторической науки в СССР возрождается интерес к истории женщин[7], к проблемам женского труда[8]. Дискутировалось лось содержание женского вопроса. Он понимался как «вопрос о положении женщины в капиталистическом обществе, о путях и средствах социального освобождения трудящихся женщин и осуществлении их фактического равноправия, об активном участии женщин в строительстве социализма и коммунизма»[9]. Или как социальная проблема, охватывающая экономические, политические, правовые и этические стороны общественной жизни, проблема равноправия женщины с мужчиной в политической и социально-экономической жизни, государственной охраны мате-

---

[1] Лифшиц Г.И., Лифшиц Я.И. Социальные корни проституции. Ярославль, 1920; Василевская Л.А., Василевский Л.М. Проституция и новая Россия. Тверь, 1923; Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. Опыт социально-биологического обследования. М.; Пг., 1923; Гуткин А.Я. Задачи современного общества в борьбе с проституцией. Оренбург, 1924; Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. Проституция в России до 1917 г. Борьба с проституцией в РСФСР. М., 1927. С. 5-9; Гальперин С.Е. Проституция в прошлом и настоящем. М., 1928.

[2] Женщина и Октябрь. (Работницы и крестьянки Урала к 10-летию Октябрьской революции). Свердловск, 1927; Баранова А., Сибирячка З. Женщины Урала в борьбе и за работой (Десять лет работы партии среди работниц и крестьянок на Урале). Свердловск, 1928; Коробейников Н.А. Труженица Урала на борьбу за новую жизнь. М.; Свердловск, 1930.

[3] Бирюков В.П. Природа и населения Шадринского округа Уральской области. Шадринск, 1926; Голубых М.Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930.

[4] Белостоцкий И.С. Здравотделы в Екатеринбургской губернии за время существования Советской власти // Медработник Урала. 1922. № 3. С. 2; Серебренников В.С. Здравоохранение на Урале. Итоги и очередные задачи. Свердловск, 1929 и др.

[5] Руденко С.И. Быт башкир. Л., 1925; Стина И.А. Башкирка. М., 1928.

[6] Кирсанова К.И. Полное равноправие женщин в СССР. М., 1936; Она же. Избирательный закон и женщина. М., 1937; Кронов А. Молодым избирателям – о равноправии женщин в СССР. М., 1937; Араловец Н.Д. Советская женщина – великая сила советского государства. М., 1946; Бильшай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948; Стасова Е.Д. Клара Цеткин. (Краткий очерк о жизни и деятельности). Омск, 1937; Конюс Э.М. Вера Павловна Лебедева. М., 1952.

[7] Строкова И.Х. Борьба Коммунистической партии за вовлечение женщин-работниц в социалистическое строительство в период восстановления народного хозяйства (1921-1925): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1954; Ильичева В.П. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за вовлечение женщин в социалистическое строительство в голы развернутого наступления социализма по всему фронту (1930-1933 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1954; Славные большевички. М., 1958; Емельянова Е.Д. Борьба Коммунистической партии за вовлечение женщин в социалистическое строительство в восстановительный период (1921-1925 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1961; Белова В.С. Решение женского вопроса в СССР. М., 1975 и др.

[8] Араловец Н.А. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954; Изменения социальной структуры советского общества: (1921 – середина 1930-х годов). М, 1979. С. 27, 199, 201.

[9] Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. М., 1971. С. 3.

ринства и младенчества[1]. П.М. Чирков видел его содержание при капитализме в преодолении социальной отсталости женщин и усилении их роли в классовой борьбе пролетариата, в особых интересах женщин; при социализме – в демократических требованиях в отношении женщин, выдвигавшихся до 1917 г., но не осуществленных, в повышении роли женщин в строительстве социализма и улучшении их положения в быту. Он привёл данные о количестве женщин, обучавшихся военному искусству в Приуралье в 1920 г.[2] Сохранялся интерес к вопросам охраны материнства[3].

По-прежнему в центре внимания личности Н.К. Крупской[4], Е.Д. Стасовой, А.И. Елизаровой-Ульяновой, М.И. Ульяновой, И.Ф. Арманд[5]. Особое внимание привлекли жизнь и публицистическое наследие А.М. Коллонтай[6]. Издавались библиографические указатели[7].

Специальные женские исследования на материалах Урала возобновились в 1960-е гг. Участие женщин в социалистическом строительстве освещали В.В. Ножкин, А.Т. Тертышный, Л.П. Сашенкова[8]. Г.Ф. Горнова охарактеризовала явления «женобойства» и «женоедства»[9]. В статьях А.И. Коваленко анализировались политико-

---

[1] Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956. С. 8, 26.

[2] Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М., 1978. С. 29-32, 153; Он же. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.): Дис. … д-ра ист. наук. М., 1980.

[3] Новикова Е.Ч. Забота партии о женщине-матери // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981. URL: http://www.a-z.ru/women/texts/s_173r.htm (дата обращения: 20.12.2013).

[4] Анкудинова Н.А. Общественно-педагогическая деятельность Н.К. Крупской в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы советской власти (Апрель 1917-1920 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1958; Измайлов А.Э. Н.К. Крупская и строительство советской школы в Киргизии. Фрунзе, 1959; Ахмеров З.С. Н.К. Крупская и народное образование в многонациональном Среднем Поволжье. Казань, 1968; Клицаков И.А. Деятельность Н.К. Крупской по осуществлению политики Коммунистической партии в области культурного строительства. (Ноябрь 1917-1920 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Донецк, 1974 и др.

[5] Исбах А.А. Товарищ Абсолют (Елена Дмитриевна Стасова). М., 1963; Левидова С.М. Салита Е.Г. Елена Дмитриевна Стасова. (Биографический очерк). Л., 1969; Подлящук П.И. Богатырская симфония. (Документальная повесть о Е.Д. Стасовой). М., 1977; Липилин В.Г. Абсолют: Документальный рассказ о Е.Л. Стасовой. Л., 1990; Ершов Д.А. Мария Ильинична Ульянова. (К 95-летию со дня рождения). Ульяновск, 1963; Драбкина Е.Я. А.И. Елизарова-Ульянова. М., 1970; Каравашкова С.В. М.И. Ульянова – журналист. М., 1972; Дягилев В.Я. М.И. Ульянова. 2-е изд., доп. М., 1980; Подлящук П.И. Товарищ Инесса: Документальная повесть. М., 1963 и др.

[6] Петров Г.Д. Политическая и научно-публицистическая деятельность А.М. Коллонтай в голы мировой войны и подготовки Великого Октября (август 1914 г. – октябрь 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1973; Публицистическая деятельность А.М. Коллонтай, И. Арманд, К.Н. Самойловой (в дооктябрьский период и в первые годы Советской власти): учеб.-метод. пособие. М., 1979.

[7] Андреева Е.П. Н.К. Крупская. Библиографический указатель. М., 1959; Барановская И.Э. Мария Ильинична Ульянова. Рекомендательный указатель литературы. Ульяновск, 1970; Елена Дмитриевна Стасова. Рекомендательный указатель литературы / Сост. Л.В. Грикопелец. Петрозаводск, 1973; Душутина А.А. Сестра Ильича (Мария Ильинична Ульянова): Рекомендательный указатель литературы. М., 1978.

[8] Ножкин В.В. Борьба партийных организаций и советов Урала за дальнейший подъем политической активности женщин (1926-1929 гг.) // Вопросы истории Урала. Ученые записки Уральского государственного ун-та. Сер. Историческая. Вып. 2. Сб. 7. № 42. Свердловск, 1967. С. 96-100; Тертышный А.Т. Деятельность партийных организаций Урала по привлечению женщин к государственному управлению в годы Гражданской войны (1919-1920) // Ученые записки Уральского ун-та. 1970. № 103. Сер.: История. Вып. 18: Из истории партийных организаций Урала. С. 38-56; Сашенкова Л.П. Работа Коммунистической партии среди крестьянок (1924-1925 гг.)//Труды Челябинского ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства. Вып. 31: Вопросы электрификации сельского хозяйства. Челябинск, 1968. С. 11-17 ; Пахомова И.А. Женщины Удмуртии в строительстве социализма (По материалам первых пятилеток) // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 1. С. 116-122 и др.

[9] Горнова Г.Ф. Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению женщин в социалистическое строительство в восстановительный период (1921-1925 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 1982; Она же. Вовлечение женщин Урала в работу Советов (1923-1925 гг.): По материалам Свердловского, Пермского, Челябинского и Тюменского округов // Ученые записки Пермского ун-та. 1969. № 215: Из истории партийных организаций Урала. С. 34, 36, 37.

воспитательная работа среди женщин, их вовлечение в промышленность[1]. Внимание ние историков также было направлено на массово-политическую работу среди женщин и девушек в 1933-1935 гг.[2] Ценны приводимые А.И. Баикиной сведения о партийной работе среди женщин в Зауралье[3], о женских волнениях в 1920-1921 гг.; описание дневника женорганизатора[4].

Разрабатывалось биографическое направление[5]. Продолжились исследования культуры и быта башкирских женщин, их вовлечения в строительство социализма[6]. В рамках проблемы реконструкции механизмов поведения девушек и молодых замужних женщин в 1920-е – начале 1930-х гг. крайне интересна книга А.И. Лазарева о фольклорной культуре[7].

С развитием гласности в период перестройки (с апреля 1985 г. по начало 1990-х гг.) наряду с вниманием к традиционной тематике[8], появляется интерес к девиантному поведению[9], демографическим аспектам[10], движению жен-общественниц[11].

В новейший, постсоветский, этап (с начала 1990-х гг. – по настоящее время) поле

---

[1] Коваленко А.И. Из опыта политико-воспитательной работы коммунистов Урала среди женщин (1928-1932 гг.) // Труды Челябинского ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства. 1973. Вып. 80: Вопросы истории, экономики и философии. Т. 5. С. 67-76; Он же. Деятельность партийных организаций Урала по формированию женских индустриальных кадров в годы первой пятилетки // Ученые записки Уральского ун-та. Сер: История. № 91: Из истории партийных организаций и социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1969. С. 128-141; Он же. Изменение социальной роли женщины в годы первой пятилетки. (По материалам Урала) // В.И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 1. Свердловск, 1970. С. 224-229; Он же. Разработка партией ленинских идей о вовлечении женщин в социалистическое строительство // Труды Челябинского ин-та механизации и электрификации сельского хозяйства. Вып. 70: Вопросы истории, экономики и философии. Т. IV. Челябинск, 1972. С. 72-86; Он же. Вовлечение женщин в работу партийных, государственных и общественных организаций (1928-1932 гг.) // Проблемы общественных наук. Челябинск, 1974. С. 72-87 и др.

[2] Бобкова Р.А. Формы и методы работы партийных и комсомольских организаций Урала среди женской молодежи в годы второй пятилетки // Труды Уральского политехнического ин-та. Сб. 234: В борьбе за научно-технический прогресс. Свердловск, 1975. С. 46-53; Она же. Партийное руководство массово-политической работой среди женщин Урала в 1933-1934 гг. // Труды Магнитогорского государственного горного ун-та. Сб. 79. Вып. 268. Магнитогорск, 1976. С. 56-68.

[3] Баикина А.И. Партийное руководство делегатскими собраниями работниц и крестьянок в восстановительный период // Ленин – в наших свершениях: Мат-лы обл. научн.-теор. конф, посвящ. 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Тюмень, 1971. С. 65-76; Она же. Из истории работы партийных организаций Зауралья среди женщин (1921-1925 гг.) // Научные труды Тюменского ун-та. Тюмень, 1975. Т. 17. С. 3-9 и др.

[4] Баикина А.И. Деятельность партийных организаций Зауралья по вовлечению женщин в строительство социализма (1921-1925 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1972. С. 10-12, 15.

[5] Дочери Южного Урала. Челябинск, 1967; Женщины Башкирии: сб. Уфа, 1968.

[6] Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955; Мамлеева Г. Деятельность Башкирской партийной организации по вовлечению женщин в строительство социализма в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Некоторые вопросы социально-экономического и культурного развития БАССР. Уфа, 1972. С. 17-19.

[7] Лазарев А.И. Уральские посиделки. Челябинск, 1977.

[8] Надеждина В.А. О партийном руководстве социалистическим соревнованием и ударничеством среди женщин Башкирской АССР (1928-1937 гг.) // Индустриальная политика КПСС и рабочий класс Башкирской АССР. Уфа, 1985. С. 43-46; Крейдлина Л.М. Большевик драгоценной пробы: Документальное повествование о Н.К. Крупской. М., 1988; Тимофеева Л.П. Раскрепощение женщин Чувашии и их участие в строительстве социализма (1917-1929): Дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 1986; Олесин М.И. Первая в мире: Биографический очерк об А.М. Коллонтай. М., 1990; Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX-XX вв. М., 1991. С. 89-96; Сулейманова Р.Н. Башкирская женщина в семье: традиция и реальность // Восток: прошлое и будущее народов: Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. М., 1991. С. 222-224; Осипович Т.Е. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 174-187.

[9] Голод С.И. Проституция: возникновение, эволюция и современное состояние // Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями: Сб. ст. М., 1988. С. 136-149; Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20 – 30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60-73; Меликсетян А.С. Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. 1989. № 3. С. 71-74.

[10] Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 70-73.

[11] Кашкина И.В. Движение жен-общественниц, 1934-1941 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1988

исторических исследований существенно расширяется. Важнейшая роль в становлении российской женской и гендерной истории принадлежит Н.Л. Пушкаревой. В её трудах разрабатываются базовые вопросы гендерной методологии, вводятся в научный оборот новые материалы, интерпретируется с позиций гендерного подхода уже накопленный в российской исторической науке массив источников по женской истории X – начала XIX вв.[1] Ценность её историографических трудов определена и богатым библиографическим материалом[2].

Опираясь на предложенную Н.Л. Пушкаревой периодизацию развития исторической феминологии[3], можно утверждать, что в связи с беспрецедентной политикой Советского государства в сфере регулирования жизни женщин хронологические рамки первого этапа осознания «невидимости» женщин, признания значимости освещения их деятельности в истории снижаются до первой половины 1920-х гг. Думается, правомерно применять термин «феминология» ретроспективно, выделяя протофеминологию и историко-партийное направление в ней.

В дискуссиях об итогах решения женского вопроса в СССР, которые развернулись и на этом этапе, по-прежнему, в центре внимания – его содержание[4]; советская государственная политика в отношении женщин[5]; развитие советского женского движения[6].

Анализировались семейно-брачные отношения[7], отдельные стороны

---

[1] Пушкарева Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женская история в российском обществе. Иваново. 1996. № 4. С. 11-24; Она же. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76-86; Она же. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 69-95; Она же. Историческая феминология и гендерные исследования // Феминизм и гендерные исследования. Тверь, 1999. С. 62-68; Она же. Проблема институализации гендерного подхода в системе исторических наук и исторического образования // Женщины. История. Общество: сб. науч. ст. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 9-22; Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X-XIX вв.: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1997 и др.

[2] Она же. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной науки. 1800-2000: Материалы к библиографии. М., 2002; Пушкарева Н.Л., Малашкин А.В. Сводная база данных «Женская и гендерная история России, 1800-2010-е гг.» – свидетельство формирования научного направления // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 96-102 и др.

[3] Она же. Историческая феминология // Словарь гендерных терминов: http://www.owl.ru/gender/090.htm (дата обращения: 20.08.2011).

[4] Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти, 1917-1927 гг.): Дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2011.

[5] Хасбулатова О.А. Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 397-407; Аракелова М.П. Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 1920-е гг.: опыт организации и уроки: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1997; Васильченко Э.А. Государственная политика по формированию, развитию и организации деятельности женского социума на Дальнем Востоке. 1860-1940: Дис. … д-ра ист. наук. Иваново, 2000.

[6] Куликова Д.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1926-1929 гг.): Автореф. дис.… канд. ист. наук. Кемерово, 1999; Харитонова С.Б. Политический и социально-экономический статус женщин: 1917 – июнь 1941 (На материалах Чувашии): Дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2005; Царикаева З.Е. Социальный статус женщин Северной Осетии в условиях изменяющегося общества 1920-х гг.: Дис.… канд. ист. наук. Владикавказ, 2006; Морозова Ю.А. Женщины в общественно-политической и экономической жизни немецкой автономии: 1918-1941 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2003; Она же. «Или возьмем, наконец, культуру»: просвещение женщин Немецкой автономии как элемент социальной политики, 1920-30-е годы // Советская социальная политика 1920-х − 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 321-346; Григорьева Г.Н. Советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX в.: Дис.… канд. ист. наук. М., 2004; Костенко Ю.А. Женское движение в России в 1920 – 1930-е гг.: Дис.… канд. ист. наук. М., 2006; Бадмацыренова Е.Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923-1991 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук Улан-Удэ, 2011 и др.

[7] Дьячков В.Л. Факторы брачно-семейного поведения женщин в XX в. в зеркале устной истории // Женская повседневность в России в XVIII – XX вв. Тамбов, 2003. С. 206-214.

повседневных житейских практик, связанных в основном с деятельностью женщин[1], история вещей[2], вторжение государства в частную сферу[3].

Б.Д. Ровный выделил два основных подхода к эмансипации женщин в 1920-е гг.: один предполагал освобождение женщины от домашнего хозяйства путем развития сферы коммунальных услуг, другой – признание полноценности статуса роли жены и матери и приравнивание ведения домашнего хозяйства к общественно-полезному труду, отмечая, что второй путь предопределил консервативный поворот 1930-х гг. в советской женской политике. Он описал основные положительные женские образы 1920-х гг. (эмансипированная, внутренне свободная и внешне независимая незамужняя и часто бездетная женщина и женщина, воплощавшая моральную и бытовую чистоту, естественный и стабильный порядок, трактуя их как основу идеального образа женщины, выступившего в качестве упорядочивающей инстанции в 1930-е гг.) и главные их антиподы («служанка мужчины» с рабским менталитетом и отсталая «баба»). Следование примеру матери, проституцию и сводничество Б.Д. Ровный определил в качестве основных женских экономических стратегии[4].

С позиций гендерного подхода исследовались проблемы формирования женской политической элиты[5], отношения иностранцев с россиянками[6]. Продолжилось изучение персоналий[7]. Продолжилась разработка сюжетов женского труда[8], проблем «половой свободы» и проституции[9].

В рамках исторической демографии на материалах Европейской части РСФСР изучались женская и детская рождаемость и смертность[10]. Г.Е. Корнилов в числе основных тенденций миграционных и демографических процессов на Урале в 1926-1939 гг. назвал сокращение количества женщин среди сельского населения, уменьшение удельного веса женщин трудоспособного возраста; привел данные по брач-

---

[1] Утехин И. Очерки коммунального быта. Изд. 2, доп. М., 2004. С. 89-105.

[2] Гурова О. Советское нижнее бельё: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

[3] Купайгородская А.П. Подготовка населения к будущей войне в 1920-е гг. // История России: исследования и размышления: сб. ст. к 90-летию со дня рождения Валентина Михайловича Ковальчука. СПб., 2006. С. 99-112.

[4] Ровный Б.Д. «Женский вопрос» и женские стратегии выживания в российских кризисах XX в.: к постановке проблемы // Женская повседневность в России… С. 201-205.

[5] Сельцер Д.Г. Трансформация женской политической элиты: из СССР в РФ // Там же. С. 219-227.

[6] Хмелевская Ю.Ю. Большевики, русские барышни и американские кавалеры: гендерные аспекты деятельности американской администрации помощи в Советской России, 1921-1923 гг. // Женская повседневность в России… С. 193-200; Щеголихина С.Н. Жизнь русской женщины глазами американского солдата (1918-1920 гг.) // Там же. С. 187-193.

[7] Гильфанова И.А. « …Снова улыбается Свердловску женщина с седою головой»: Анна Николаевна Бычкова: к 120-летию со дня рождения // Библиотеки Урала. XVIII-XX вв. Вып. 4. Екатеринбург, 2007. С. 154-164; Корепанова С.А. Анна Николаевна Бычкова / С.А. Корепанова, В.П. Микитюк, Е.С. Зашихтин // Председатели городского совета и исполкома городского совета. С. 190-193. URL: http://book.uraic.ru/elib/glavygoroda/preds _gorsovet/bychkova.pdf (дата обращения: 03.03.2015).

[8] Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е гг. Ижевск, 1999. С. 24-25; Жулева М.С. Место и роль женщины в жизни советского общества 1930-х гг. (на примере женщин Кургана) // IV Зыряновские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2006. С. 90-91.

[9] Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е годы XIX в. – 40-е годы XX в.). М., 1994; Осипович Т.Е. «Новая женщина» в беллетристике Александры Коллонтай // Преображение. 1994. № 2. С. 66-71; Шорэ Э. Судьба трех поколений, или от очарования к разочарованию (по произведениям А. Коллонтай «Любовь трех поколений» и Л. Петрушевской «Время ночь» // Преображение. 1995. Вып. 5. С. 54-61; Пушкарев А.М., Пушкарева Н.Л. Ранняя советская идеология 1918-1928 гг. и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-х − 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 199-227; Панин С.Е. «Блеск и нищета провинциальных куртизанок»: повседневная жизнь российских проституток в 20-е гг. XX в. // Женская повседневность в России… С. 180-193; Токмачева А.Ю. Организационно-правовые основы борьбы с проституцией в годы НЭПа (1921-1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006 и др.

[10] Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996; Она же. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.

ности[1]. В его совместном с О.В. Павловой исследовании показано лидирующее положение женщин среди группы мигрантов по материалам переписи 1926 г.[2]

Объектом исследовательского интереса стали закрытые ранее темы: история казачества[3], репрессии[4], судьбы женщин из «бывших»[5], старообрядок[6], монахинь[7]. Затрагиваются отдельные сюжеты сексуального насилия в повседневной жизни[8]. И.В. Нарский рассмотрел ранее неизученные аспекты женского быта[9]; проследил зарождение художественной, публицистической и исторической литературы внуков о бабушках[10].

Важный вклад в уральскую историческую феминологию внесен А.Я. Тарасюк[11]. В рамках южноуральского региона И.Г. Сытник обращалась к теме борьбы с проституцией, нищенством, пьянством; к проблеме насилия в семье[12].

Проблемы женского патриотизма в раннесоветской концепции женской эманси-

---

[1] Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. №2(35). С. 48-57; Он же. Население Ямала в XX веке: процесс формирования // Уральский исторический вестник. 2014. №2(43). С. 136-132; Он же. Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920 – 1930-е годы // Институты развития демографической системы общества: сб. мат-лов V Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2014. С. 290-296.

[2] Корнилов Г.Е., Павлова О.В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.) // Уральский исторический вестник. №9. Проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург, 2003. С. 210-226.

[3] Очерки традиционной культуры казачества России. Т. 2 / Под общ. ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2005.

[4] Кротова Т.А. Репрессивная политика государства в 1930-е гг. и судьбы тамбовских крестьянок // Женская повседневность в России… С. 214-218.

[5] Калинкина Е.А. Люди и судьбы // Архивное дело в Челябинской области: Информационный вестник. Ч. II (V) / Гл. ред. А.П. Финадеев. Челябинск, 1998; С. 122-125; Крылова И.В. Трагедия Софьи Карчевской (из истории 3-х старых неаннотированных фотографий) // Там же. С. 104-110.

[6] Киселева В.Ф. Старообрядческие устои, сохранившиеся в селе Коврига Шадринского района Курганской области в XX веке // IV Зыряновские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2006. С. 93-96.

[7] Злотников Ю. Обитель // Уральский следопыт. 1993. № 9. С. 5-9; Русина Ю.А. Церковь и верующие в условиях тоталитаризма (по материалам Урала) // Тоталитаризм и личность. Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Пермь. 12-14 июля 1994 г. Пермь, 1994. С. 74-75; Брылин А. Магдалина из села Покровского // Там же. 1995. № 2. С. 64; Жития святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2008; Боже В.С. Приведено в исполнение… : Как был закрыт монастырь в Челябинске // Челябинск. 1998. № 10-11. С. 46; Он же. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска 1917-1937 // Челябинск неизвестный: Краеведческий сб. Вып. 2. Челябинск, 1998. С. 107-180; Он же. Челябинское православное духовенство в 1917-1937 гг. // Челябинск неизвестный: Краеведческий сб. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 359-402; Эндебря В. Женский монастырь // Урал. 2004. № 7. С. 183-189; Андреева Е.В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие (1861-1935 гг.): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 183-184.

[8] Загребин С.С. Метаморфозы культуры: Культурное строительство на Южном Урале в 1929-1941 годах. Челябинск, 1994. С. 485-487.

[9] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001; Он же. Канализация хаоса и хаос канализации: Санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917-1922 г. // Человек и война. Война как явление культуры: сб. ст. М., 2001. С. 238-263; Он же. «Комплекс мачо», продажная любовь и вкус человечины: гендерные составляющие выживания русской революции // Женская повседневность в России… С. 154-159.

[10] Он же. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск, 2008. С. 232, 234-235.

[11] Тарасюк А.Я. «Белый танец на политической арене» (По материалам личного фонда первого руководителя тюменского женотдела А.М. Берлин) // Возрождение исторического центра г. Тюмени: Тюмень в прошлом, настоящем и будущем. Тюмень, 2001. С. 97-102; Она же. Повседневная жизнь советской женщины в 1920-е гг. (на материалах Тюменского края) // Источники по истории Западной Сибири: Мат-лы рег. науч. конф. Ч. II. Сургут, 2003. С. 106-110; Она же. Быт советских женщин как показатель традиций и нововведений повседневной жизни в первое послереволюционное десятилетие (на материалах Зауралья) // Уральские Бирюковские чтения. Вып. 2: Из истории Южного Урала и российских регионов. Челябинск, 2004. С. 266-271; Она же. Социальная политика советского государства и жизнь женщины 1918-1929 гг. (на материалах Зауралья): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2004 и др.

[12] Сытник И.Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918-1930 гг.: дис. …канд. ист. наук. Оренбург, 2006. С. 55, 56, 87, 88 98-100, 116.

пации разрабатывала О.Ю. Никонова[1]. Она выделила типы патриотической женственности («героини гражданской войны»; жёны комсостава Красной Армии и молодые женщины-комсомолки, занимавшиеся военизированными видами спорта)[2], в числе мотивов трансформации общественных представлений о женских социальных ролях назвала влияние Первой мировой и Гражданской войн и трансфер западных образцов – пример зарубежных женских военно-патриотических организаций, сделав вывод о структурном повторении женскими образами концепции идеальной советской мужественности[3]. А.В. Богданов привел сведения о жёнах иностранных рабочих и специалистов на предприятиях Челябинска и Магнитогорска[4].

Активно развивалась историческая феминология в Башкортостане. Р.Н. Сулейманова изучала демографическую историю женщин Башкирии, особенности женского вопроса и региональное женское движение в первые годы советской власти, женскую печать, положение женщины в башкирской семье, роль женщин в общественно-политической жизни Башкирии в 1919-1939 гг.[5] Г.Ю. Султангужина освещала ла организацию работы по охране материнства и младенчества в республике, участие женщин в коллективизации, изменение социальной роли башкирской женщины в семье в постреволюционное время, ликвидацию неграмотности среди женщин[6]. Важным итогом стало составление сборника документов по истории женского движения в Башкирии[7].

При обращении к проблемам охраны материнства получили освещение те стороны жизни женщин, которые были связаны с началом деятельности родильных до-

---

[1] Nikonova O.Yu. Sowjetpatriotismus im Ural (Motivation, Interpretation und Mobilisierungsstrategien) // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 2007. № 4. S. 566-584; Она же. Soviet Amazons: Women Patriots during pre-war Stalinism // Minerva. Jornal of Women and War. 2008. № 1. P. 84-99; Nikonova O. Yu. Soviet Patriotism in a Comparative Perspective: a Passion for Oxymora // Studies in East European Thought. 2010. Vol. 62. № 3-4. P. 353-376; Она же. «"Давайте прыгать, девушки!", или советский патриотизм в гендерном измерении» // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 38-55; Она же. Осоавиахим как инструмент сталинской социальной мобилизации (1927-1941 гг.) // Российская история. 2010. №1. С. 90-104; Она же. Вопрос о «праве на выстрел» и социальное лицо уральского Осоавиахима (1927-1934 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. Вып. 50. №11 (265). С. 48-51 и др.

[2] Она же Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927-1941 гг.): М., 2010. С. 85-92.

[3] Она же. Осоавиахим и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе (1927-1939 гг.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 2013. С. 28.

[4] Богданов А.В. Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929-1933 гг.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. Челябинск, 2011. С. 18.

[5] Сулейманова Р.Н. Женская печать Башкортостана: страницы истории // История края и судьбы людей. Уфа, 1994. С. 198-199; Она же. Из истории охраны материнства и младенчества в Башкортостане // Ватандаш. 1999. № 9. С. 126-133; Она же. Женщины в населении Башкортостана 1919–1939 гг. // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа, 2003. С. 153-159; Она же. Формы и методы развития социальной активности женского населения Башкирии в 1917-1941 // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы. Уфа, 2007. С. 250-252; Она же. Женский вопрос в России в 1917 г.: региональный опыт. Уфа, 2008; Она же. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 28-33 и др.

[6] Султангужина Г.Ю. Башкирская женщина и семья в послереволюционные годы // Восток в исторических судьбах народов России. Кн. 3. Уфа, 2006. С. 112-113; Она же. Башкирские женщины в промышленном производстве республики в 1920 – 1930-е гг. // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Уфа, 2006. С. 253-254; Она же. Трактор или вилы? Башкирские женщины в годы коллективизации // Родина. 2007. № 9. С. 94-96; Она же. Женщины деревни и социальные конфликты в Башкортостане в 1930-е гг. // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы. Уфа, 2007. С. 255-256; Она же. Политическое и социально-экономическое положение женщин в Башкирской АССР в 20 – 30-х гг.: Автореф. дис. …канд. ист. наук. Уфа, 2008; Она же. Охрана материнства и младенчества в 1920–1930-е гг. в Башкирии // Вестник Башкирского университета. 2008. № 1. С. 123-125.

[7] Женское движение в Башкортостане. 1900-1941 гг.: сб. док. и мат-лов / Сост.: Р.Н. Сулейманова, Ш.Н. Исянгулов, Г.Ю. Султангужина / Отв. ред Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2008.

мов, женских и детских консультаций[1]. Изучалась повседневная жизнь женщин[2], в том числе проблемы проституции на Урале[3]. И.В. Нарский, сообщая ценные сведения о создании Челябинской комиссии по борьбе с проституцией, о состоянии проституции в Оренбурге и в Уфе летом-осенью 1922 г., сделал вывод о ее превращении в будничную технику борьбы за существование в экстремальной ситуации[4].

Изучаются персоналии женщин-ученых[5].

В зарубежной историографии также нашли отражение – в основном на материалах центральных, западных и южных регионов – проблемы советской политики в женском вопросе[6], в том числе движение жен-общественниц[7], дискуссии о «новой» женщине, о семье, различные аспекты отношений полов в 1920-х – первой половине 1930-х гг.[8], протесты женщин в связи с коллективизацией и навязыванием государственных займов[9], темы женского труда[10]. Ш. Фицпатрик подчеркнула значимость индивидуального членства женщин в колхозах (в противовес подворному членству в общине); основным путем активного приспособления сельчанок (полевых работниц, доярок, скотниц) назвала стахановское движение, отметив (без сносок на источни-

---

[1] Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917 – 1930-е годы // Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 21-67; Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация материнства // Там же. С. 242-261; Лебина Н.Б. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин»... Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Там же. С. 228-241; Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. Вып. 14. М., 2008. С. 13-72; Журавлева В.А. Состояние младенческой смертности в городах Урала в 1920-1930-е годы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат-лы IX Всерос. научн. конф. Т. 2. Екатеринбург, 2009. С. 179-183 и др.

[2] Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929-1935 гг.: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2010; Волкова Т.С. Частная жизнь населения Приуралья в 20 – 30-е гг. Пространственно-временные координаты провинциальной повседневности. Пермь, 2013.

[3] Юнусова А.Б. Из истории борьбы с проституцией //Археография Южного Урала. Уфа, 2002. С. 200-202; Белов С. Проституция в г. Тюмени (XVII в. – 1920-е гг.): постановка проблемы. Тюмень, 2009 // Тюменская история режим доступа: // http://www.liveinternet.ru/users/2807150/post93861404/#_edn32 (дата обращения: 31.10.2010) и др.

[4] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе… С. 2, 486-489.

[5] Нешатаева В.Н. Жизнь, отданная науке: Биографический очерк о Л.Н. Тюлиной // Труды КИПЭ ДВО РАН. Вып. 2 / Отв. ред. В.П. Ветрова. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 6-10.

[6] Lapidus G. Women in Soviet Society. Berkeley etc., 1978; Waters E. The Modernization of Russian motherhood // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. № 1. P. 123-135; Fitzpatrick S. The Cultural Front. Power and Culture in Revolunationery Russia. London, 1992. P. 231-233; Ilic M. Soviet women workers and menstruation: A research note on labour protection in the 1920s and 1930s // Europe-Asia Studies. 12/15/1994, Vol. 46. № 8. P. 1409-1416; Koenker D. Men against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia. Gender and Class in the Soviet Workplace // American Historical Review. 1995. Dec. P. 1438-1464; Cronberg T. Russian Women in the Defence Industry and the Transformation of their Identities // European Journal of Women‘s Studies. Aug. 1997. Vol. 4. P. 263-268; Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionery Russia. Bloomington, 1997; Conze S. Weder Emansipatiov noch Tradition. Stalinistische Frauepolitic in den vierziger Jahren / Plaggenborg S. (Hg.) Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte. Berlin, 1998; Ransel D. Village Mothers: Three generations of change in Russia and Tataria. Bloomington, 2000; Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / Пер. с англ. И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. М., 2004.

[7] Fitzpatrick S. The Cultural Front. Power and Culture in Revolunationery Russia. London, 1992. P. 231-233.

[8] Энгельштейн Л. Ключи от счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX веков / Пер. с англ. В. Павлова. М., 1996; Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / Пер. с англ. И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. М., 2004; Блюм А. Родиться, жить и умереть в России / Пер. с франц. Э. Кустовой, И. Троицкой. М., 2005. С. 52-56, 112-132; Хейкинен К. Метаморфозы русской бабы // Женщины. История. Общество. Вып. 2. С. 288-301.

[8] Хейкинен К. Метаморфозы русской бабы // Женщины. История. Общество. Вып. 2. С. 288-301.

[9] Viola L. Bab′I bunty and Peasant Women′s Protest during Collectivisation // RR. 1986. Vol. 45. No. 1. P. 23-42; Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934-1941 / Пер. с англ. В.Н. Морозова. М., 2011.

[10] Goldman W. Women, State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. Cambrige, 1993; Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.) / Пер. В. Лобовской. М., 2010.

ки), что к стахановкам часто относились как к предательницам[1].

Женские образы (работницы, проститутки, знахарки, нежной чистой жены, фельдшерицы, крестьянки) также явились объектом исследования[2]. К. Шайда на примере московских рабочих изучала влияние политики в женском вопросе, проводимой в 1920-е гг., на структуры женской повседневности[3]. К. Келли, предпринимая мая попытку отделить мифы от реальности в событиях, связанных с П. Морозовым, назвала его родственниц, показала их роль в жизни подростка[4]. Е.Т. Юинг, анализируя жизнь учительства в 1930-е гг., упомянула о двух случая преследований по сексуальным мотивам учительниц (в Челябинске и в деревне под Ижевском)[5].

Разрозненная, но обильная и зачастую уникальная информация отложилась в локальных справочных изданиях[6]. Важны и «Книги памяти… », публикацией которых завершилась к концу 1990-х гг. во многих регионах страны, в том числе на Урале, работа по сбору материалов о жертвах политических репрессий[7]. В них в алфавитном порядке были занесены сведения о репрессированных, проживавших на момент ареста на территории области, края в соответствующих административно-территориальных границах.

Анализ историографии проблемы показывает, что наиболее разработанными оказались такие сферы, как государственная политика в области женского вопроса, биографии выдающихся деятельниц советского женского движения, деятельность ВКП(б) среди женщин. Однако, даже в рамках историко-партийной парадигмы остались наименее изученными 1921-1922, 1926-1927 гг. по Уралу в целом, 1924-1927 гг. по Пермской губернии в Приуралье. Что касается структуры содержания женской гендерной роли, то были освещены проблемы политического и социально-экономического статуса женщин в отдельных регионах страны, процесс изменения типичных видов деятельности (в основном, в связи с вовлечением женщин в работу Советов, общественных организаций и овладением мужскими профессиями). Распространенные представления о женщине изучались лишь на материалах центральных регионов и Юга России. Проблемы социальной структуризации женского социума на Урале в 1920-е – середине 1930-х гг., группы казачек, насельниц, репрессированных; мировоззрение женщин, их хозяйственная деятельность, занятия художественным творчеством, участие в физкультурной и спортивной жизни, заботы ма-

---

[1] Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001 С. 18, 21, 128. Сообщила о нарушения прав женщин во время коллективизации в Челябинске. – Там же. С. 65.

[2] Боннел В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 186; Он же. Крестьянка в политическом искусстве сталинской эпохи // Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 262-295; Бернстайн Ф. Представления о здоровье в революционной России: гендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е гг. // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 224-225, 233, 238.

[3] Scheide C. Kinder, Kьche, Kommunismus: Das Wechselverhдltnis zwischen sowjetischem Frauenalltag und Frauenpolitik von 1921 bis 1930 am Beispiel Moskauer Arbeiterinnen. Zьrich., 2002. См. подр.: Пушкарев Л.Н. Кармен Шайде. Дети, кухня, коммунизм: Взаимоотношения между советской повседневностью женщин и женской политикой с 1921 по 1930 г. на примере московских работниц. Цюрих, 2002 // Женщина в российском обществе. 2004. №1-2. С. 83-85.

[4] Келли К. Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя / Пер. с англ. И. Смиренской. М., 2009. С. 64-65, 249.

[5] Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / Пер. с англ. Д.А. Благова. М., 2011. С. 32, 36.

[6] Сергеев Ю.Н. Монастыри // Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 407-408; Васильева О.В., Мохов В.В. Епархия Уфимская // Башкортостан: краткая энциклопедия. С. 268; Прыкина Н.А. Одигитриевский женский монастырь // Челябинская область: Энциклопедия. Т. 4: М-О. Челябинск, 2008. С. 697; Боже В.С. Анастасия // Челябинск: Энциклопедия / Сост. С.В. Боже, В.А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 38-39 и др.

[7] Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Т. 1: А-Б / Ред. кол. М.А. Бочкарев, В.А. Волков, М.Н. Зотеева и др. Екатеринбург, 1999 и др.

теринства и супружества, девиантное поведение ещё не нашли освещения в самостоятельном историческом исследовании.

Объект исследования – женское население Урала в 1920-е – середине 1930-х гг., которое рассматривается как особая демографическая группа и часть единой социально-территориальной общности, обладающей региональным своеобразием социокультурных процессов.

Предмет исследования – социокультурные процессы, которые протекали на территории региона вследствие формирования советской гендерной композиции в условиях политизации общественной жизни, изменение основных структур женского социума на Урале, мировоззренческие позиции женщин и порождаемые ими статусы, их влияние на взаимоотношения с властью, роль женщин в семье и их культуротворческая деятельность.

Хронологические рамки исследования: 1920-е – первая половина 1930-х гг. Нижняя хронологическая граница определена окончанием Гражданской войны[1], верхняя – выводом о решенности женского вопроса в СССР в понимании советских лидеров того времени[2]. Исследуемый период по содержанию внутренней политики советской власти включает в себя окончание экономической политики «военного коммунизма» (1920 г. – март 1921 г.); восстановительный период на основе осуществления с марта 1921 г. «новой экономической политики» (1921-1925 гг.); постепенное свёртывание НЭПа в рамках «приступа к социалистической индустриализации» (с декабря 1925 г.) в курсе политики «усиления удельного веса социалистических элементов в народном хозяйстве»[3], постепенного перехода «распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» в курсе "подготовки наступления социализма по всему фронту"» с декабря 1927 г.[4] и с декабря 1930 г. – «гигантского развёртывания социалистического строительства» или «развёрнутого наступления социализма по всему фронту»[5], «наступления на капиталистические элементы по всему фронту»[6]; осуществление культурной революции (с октября 1917 г.). По характеру политического режима он представляет собой предтоталитарный и начало тоталитарного этапов советской истории. 1935 г. завершает этап «раннего сталинизма».

Территориальные рамки исследования охватывают Урал, в который географически входят Предуралье (территории Приуралья, прилегающие к западному склону Урала), Зауралье (территории Приуралья, прилегающие к восточному склону Урала, к окраинной части Западно-Сибирской равнины, в бассейнах рек Урал и Тобол)

---

[1] Ленин В.И. Приветствие Всероссийскому совещанию губженотделов 6 декабря 1920 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. С. 54 (далее – Полн. собр. соч.)

[2] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936 г.). Гл. X. Ст. 122 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1936, 6 декабря; Кирсанова К.И. Полное равноправие женщин в СССР. М, 1936; Ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам и крестьянкам, к Красной Армии, к советской интеллигенции: обращение ЦК ВКП(б) 6 декабря 1937 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9 изд., доп. и испр. Т. 6. М., 1985. С. 421 (далее – КПСС в резолюциях…).

[3] О хозяйственном положении и хозяйственной политике: резолюция Пленума ЦК ВКП(б) 6-9 апреля 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях… Т. 4. М., 1984. С. 8

[4] По отчету Центрального Комитета: резолюция XV съезда ВКП(б)// Там же. С. 261.

[5] По отчету Центрального Комитета ВКП(б): резолюция XVI съезда ВКП(б) // Там же. Т. 5. С. 124, 133.

[6] Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства: резолюция Ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) // Там же. Т. 4. С. 356.

и разделяющие их горы Уральского каменного пояса. Выбор территориальных рамок объясняется промышленным характером региона. Создание второй угольно-металлургической базы страны сделало край уникальным полем претворения представлений о новой роли женщины в обществе, базировавшихся на идеях раскрепощения женщин (в основном в целях привлечения женщин к общественному производству, советскому строительству), создания «нового быта», воспитания «нового коллективного человека». К началу второй пятилетки женщины составляли 31% всего отряда рабочего класса Урала[1].

Цель диссертационной работы – на основе анализа и обобщения конкретно-исторического материала изучить женский социум на Урале в его многообразии, определить основные общие тенденции и региональную специфику его развития, выявить роль женщин в культуротворческом процессе.

Задачи диссертационной работы:

– раскрыть процесс формирования советской гендерной композиции, показать особенности гендерной модели, складывавшиеся в 1920-е гг. и её трансформацию в первой половине 1930-х гг., охарактеризовать модели женского успеха;

– выявить основные структуры женского социума Урала и показать динамику их изменений, исследовать социальные практики работниц, прислуги, крестьянок, служащих, казачек, насельниц, репрессированных женщин;

– изучить мировоззренческие позиции женщин, показать влияние их политических и конфессиональных предпочтений на социальные статусы и взаимоотношения с властью;

– исследовать основные обязанности женщин в семье, в ведении домашнего хозяйства и дворохозяйства;

– осветить участие женщин в театральном, музыкальном и литературном творчестве, в развитии живописи и скульптуры, изучить пути вовлечения женщин в науку, показать их участие в физкультурном движении, спортивные достижения;

– изучить причины возрождения проституции в крае, степень её распространения и отношение к ней.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные материалы. В работе использованы документы, отложившиеся в 88 фондах 16 архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории; Российского государственного архива экономики; Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, Государственного архива Курганской области, Государственного архива Свердловской области, Центра документации общественных организаций Свердловской области, Государственного архива административных органов Свердловской области, Государственного архива научно-технической и специальной документации Свердловской области в г. Каменск-Уральском, Объединенного государственного архива Челябинской области, Пермского государственного архива новейшей истории, Государственного архива Пермского края, Государственного архива Тюменской области, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, Архива Златоустовского городского округа, Городского архива г. Магнитогорска.

[1] Труд в СССР (1934 год). Ежегодник. М., 1935. С. 26.

Обширную группу источников составили делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций. Организационная документация (положения, правила и др.); распорядительная документация (решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, поручения, предписания, наказы и проч.); протоколы и стенограммы заседаний коллегий, собраний, съездов, конференций и проч. как особый вид организационно-распорядительной документации; текущая переписка предприятий и учреждений – всё это даёт представление о структуре, задачах, компетенции специальных женских организаций, порядке деятельности женщин внутри различных хозяйственных, политических, конфессиональных структур, формах и методах выполнения ими принятых решений. По выпискам из приказов и распоряжений можно проследить предоставление отпусков по беременности, причины увольнения, направления командирования и половой состав командированных и проч. Специфическим источником в этой группе стали архивно-следственные дела, содержащие значительную долю тенденциозной информации в той части, которая связана с фальсификацией антисоветской деятельности. Особую важность для выявления конфессиональных предпочтений женщин и степени их социальной активности имели организационно-распорядительные и учетные документы религиозных организаций.

Плановая, учетная (журналы регистрации, акты о передаче, анкеты учетно-формулярного списка и др.), контрольная документация, отчеты (сводки и др.), в том числе статистическая документация, характеризуют как качественные (социальный состав, возраст), так и количественные процессы, протекавшие в женском социуме в целом и в его отдельных слоях.

Актовый материал: документы, фиксирующие факты правового освидетельствования какого-либо действия или состояния (акты освидетельствования или сдачи имущества, милицейские акты и др.), административные акты как один из видов документов государственного управления, акты как хозяйственные соглашения (договоры между работодателем и домашними работницами, ежегодные договоры между работницами о социалистическом соревновании и т.п.), документация сельских и станичных сходов, женских и делегатских собраний, – содержит непосредственные сведения о повседневной бытовой, трудовой и общественной жизни участниц исторических событий.

Важным информативным видом источников стали личные дела.

Исследование законодательных актов – с 1931 г. в практику вошло принятие совместных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) – способствовало выявлению господствующих правовых представлений, важнейших директивных указаний по различным вопросам развития общества.

Следующую группу источников составили документы РКП(б)-ВКП(б). Изучались программные, уставные и директивные документы, произведения В.И. Ленина и др. представителей Коммунистической партии, в которых была отражена позиция по всем принципиальным вопросам роли женщин в развитии народного хозяйства и культуры, места женщин как объектов и субъектов идеологического воздействия, статуса различных слоев женского социума в ходе социальных процессов и т.д. Материалы и резолюции областных совещаний работниц низового советского аппарата; протоколы женских и делегатских собраний, заседаний женотделов; протоколы

окружных съездов работниц и крестьянок-членов Советов отражают деятельность советского женского движения.

Статистические документы, опубликованные в таких изданиях, как «Труды ЦСУ», «Уральский статистический ежегодник. …год» и в различных тематических сборниках («Уральское хозяйство в цифрах» и др.), материалы переписей составили основной корпус источников статистики народонаселения.

Аргументы в дискуссиях, общие выводы, индивидуальные наблюдения, эмоции передаются в таком типе источников, как публицистические произведения. Изучались речи, доклады, статьи, заметки, воззвания. Их авторы (Н.К. Крупская, И.Ф., Арманд, А.М. Коллонтай, К.Н. Самойлова и др.), большей частью руководящие государственные и партийные работники, поднимали наиболее острые проблемы, определяли задачи женского движения в новых условиях, подводили первые итоги, рассказывали о женском движении за рубежом. Чрезвычайно ценны наблюдения о жизни женщин В.Т. Шаламова, отраженные в его публицистических произведениях о лагерной жизни[1].

Важную роль играло изучение материалов периодической печати: партийной («Правда», «Ударница Урала»), советской («Известия»), печати общественных организаций и научных изданий («Уральский медицинский журнал») и др.

Большую группу источников составили источники личного происхождения: автобиографии (собиравшиеся, в том числе, в рамках кампании персонального учёта ответственных работников Уральской области в 1926 г.[2]) и автобиографические записки, мемуары и др. воспоминания, дневники, письма. Изучение мемуаров, характеризующихся документальностью воспоминаний (записок) современников о событиях, в которых автор принимал участие или которые известны ему от очевидцев[3], и воспоминаний-повествований о явлениях личной или общественной жизни, записанных со слов автора, свидетеля событий[4], имело существенное значение не только для реконструкции частностей исторических событий, но иногда и для восстановления основной их канвы. Были изучены более 80 воспоминаний, письма. В них нашел отражение широкий спектр общественных настроений, расширяющий исследовательские поля социальной и культурной истории до поля психоистории, что позволяет более полно создать обобщенный социальный образ, реконструировать личностные характеристики конкретного человека.

Важным источником стали произведения художественной литературы, фольклора. Использовались визуальные источники (фотографии, картины, плакаты, рисунки).

Теоретико-методологическую основу исследования составил интеграционный

---

[1] Шаламов В.Т. Вишера // Шаламов В.Т Очерки преступного мира. Челябинск, 1990. С. 9; Он же. Женщина блатного мира // Там же. С. 77. В.Т. Шаламов в 1929-1932 гг. отбывал наказание на Северном Урале в Вишерском лагере Управления Соловецких лагерей особого назначения, в 3-м, 4-м и др. отделениях. «Очерки преступного мира» были написаны в 1969 г., опубликованы в 1981 г.

[2] ОГАЧО. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 23. Л. 76-77, 81-83.

[3] Скотт Д. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск, 1991; Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897-1938 / Пер. с англ. Л.А. Кароповой. М., 2007.

[4] Воспоминания Засыпкиной Галины Андреевны (1912-1997 годы) / Авт.-сост. А.П. Килин. Екатеринбург, 2002. URL: http: // atasch.narod.ru (дата обращения: 12.04.2012); Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900-1932) / Пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой: предисл. А.М. Хитрова. М., 2005; Демидова С. Детство в Свердловске. URL: Uraljournal. 2011. № 6: http://uraljournal.ru/work-2011-6-63 (дата обращения: 22.07.2012) и др.

подход[1], базирующийся на сочетании культурной истории, истории повседневности, гендерной истории и исторической феминологии.

Появление «культурной истории» сделало возможным обращение к сложному взаимодействию разнообразных аспектов женского существования, связанных с поведенческими реакциями и технологиями, искусством и религией, бытовыми принадлежностями и манерой говорить, идеями и нормами общества; позволило последователям «новой культурной истории» осмыслить исторический опыт, раскрыть механизмы передачи культуры через поколения, трансформации культурной памяти в истории. В результате «антропологического поворота» произошел сдвиг исследовательских интересов к изучению ментальных представлений, стереотипов восприятия и поведения, моделей мышления, символических систем, обычаев, ценностей; расширилось содержание понятия «социального» за счет изучения в его рамках социальных микроструктур (малых сообществ – семьи, общины, прихода, соседства и т.п.), то есть происходило осмысление исторического опыта «рядовых людей» – главных участников исторического процесса[2].

Также возник интерес к феноменам «жизненного мира»[3] и «малых жизненных миров»[4], «социальной реальности», «структурам повседневности»[5] и т.п. В становлении истории повседневности как «новой социальной истории», как истории обычных, незаметных, «малых» людей[6] выявились общее и особенное в понимании дефиниции «повседневность», подходы к её исследованию.

Отечественная историческая наука прошла путь от традиционного бытописания через микроисторию к комплексному изучению историко-психологических, историко-демографических, историко-культурных сюжетов.

В дискурсах познания категории «повседневность», с одной стороны, выявилось стремление сформулировать универсальное понятие повседневности; с другой, рассматривать ее содержание в зависимости от конкретных исследовательских задач. Принадлежность повседневности определяется либо к форме бытия (в качестве элемента «картины мира»[7], процесса жизнедеятельности индивидов[8], онтологического го явления[9], состояния реальности [10] и т.п.), либо к системе взаимоотношений

---

[1] См. подр.: Интервью с Жаком Ле Гоффом. Париж. Декабрь 1991 г. // Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 300.

[2] См.: Методологические проблемы истории / Под общ. ред. В.Н. Сидоровцева. Минск, 2006. С. 4-11, 72-76, 235-244.

[3] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Скляднева / Отв. ред. Я.А. Слинин. СПБ., 2004. С. 174-184, 209-211.

[4] Медик Х. Микроистория // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т. II. №4. С. 202; Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. 1998-1999. М., 1999. С. 77-100.

[5] Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. Т. 1. М., 1986.

[6] Обычный человек, *Каждый*, *Никто*, «человек с улицы». – См.: Серто М. де. Изобретение повседневности. Т. 1: Искусство делать. СПб., 2013. С. 63-65.

[7] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 289.

[8] Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2009. С. 5.

[9] Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 14.

[10] Heller A. Can Modernity Survive. Berkeley, Los Angeles, 1990. P. 44; Сенявский А.С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI в. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 27.

(«сфера человеческой обыденности»[1], «взаимодействие действий и интерпретаций»[2] ций»[2] и т.п.), либо к аксиологически-деятельностным и информационно-знаковым системам («сфера “реальности в себе”»[3], «система практических знаний»[4]).

Термины истории повседневности неоднозначны. «Сферу человеческой обыденности» можно трактовать как форму бытия, производя «обыденность» от «обиходности» (через «обиход» – текущую жизнь в её постоянных, привычных проявлениях), и как систему отношений (через «обыденность» как восприятие человеком окружающего мира). Её понимание как «уклада жизни» (через «устои» – «начала» – «принципы» – «нормы» – «предписания») включает в «сферу человеческой обыденности» в информационно-знаковую и аксиологически-деятельностную системы.

Признаки повседневности (к которым обычно относят коллективные и индивидуальные ценности, привычки сознания, стереотипы поведения, символику, ритуалы) могут быть выражены либо особыми понятиями, либо заключаться в содержании таких терминов, как «данный социум»[5], «историко-культурный, этнический и конфессиональный контексты»[6], «общая реконструкция»[7] и т.п. В дискуссии о дефинициях повседневности мы присоединяемся к позиции И.В. Нарского, который, вслед за Х. Медиком, определяет повседневность как «культурно-оформленное взаимодействие действий и интерпретаций “действительности”, специфичное для различных слоев, на которое решающее влияние всё же оказывали и оказывают материальные условия и их изменения»[8].

Отдельные сюжеты исследовались с использованием гендерного подхода, существенным признаком которого является применение в качестве когнитивного критерия исторического анализа категорий «пол» либо «социально конструированный пол», предложенных Дж. Скотт в 1986 г. в понятии «гендер», и отражающих и процесс и результат «встраивания индивида» в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в каком-то обществе на определенном историческом этапе[9]. На основе теории социального конструктивизма анализируется «гендерная композиция». «Гендерная идентичность» (представления людей о самих себе, как о мужчинах или женщинах[10] или «единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли»[11]) есть базовая структура социальной идентичности, которая характеризует определение человеком, боль-

---

[1] Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографической обозрение. 2004. №5. С. 3; Девятайкина Н.И. История повседневности // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 198

[2] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе… С. 22.

[3] Перевод термина «повседневность» А. Хеллер. – Цит. по: См.: Гатаева Б.Т. Концепции повседневности в зарубежной культурологии // Россия – Запад – Восток: компаративные проблемы современной философии: Сб. науч. ст. / науч. ред. А.С. Колесников. 2004 // Сайт «Философская антропология»: http://anthropology.ru/ru/ person/gataeva-bt/text/koncepcii-povsednevnosti-v-zarubezhnoy-kulturologii (дата обращения: 07.07. 2015).

[4] Гатаева Б.Т. Указ. соч. // Сайт «Философская антропология»: http://anthropology.ru/ru/person/gataeva-bt/text/koncepcii-povsednevnosti-v-zarubezhnoy-kulturologii (дата обращения: 07.07. 2015).

[5] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 289.

[6] Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографической обозрение. 2004. №5. С. 3; Девятайкина Н.И. Указ. соч. С. 198

[7] Гуревич А. Об этой книге // Гуревич А. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб., 2009. С. 13, 17.

[8] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе… С. 22.

[9] Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа... С. 406-407, 409.

[10] Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007. С. 477.

[11] Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. 3 изд. М., 2007. С. 191.

шей частью на основе самокатегоризации, своей принадлежности к мужской или женской группе, то есть принятия им определения мужественности и женственности, существующих в рамках его культуры[1].

Интеграционный подход позволяет использовать комбинированно методологические теории в зависимости от целей и задач научной работы. Категории гендерной теории легли в основу изучения формирования и развития первой советской гендерной композиции. С позиций исторической феминологии и «новой социальной истории» рассмотрены трансформация структуры женского социума на Урале и участие женщин в культуротворческом процессе. Применение положений культурной истории и истории повседневности позволили реконструировать культурные практики женской повседневности, показать мировоззренческие позиции женщин, черты присущего им бытийного сознания.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в освещении на уральском материале процесса изменения ценностных представлений и механизмов поведения женщин, выявляющих различные жизненные социокультурные, социально-психологические и др. контексты их деятельности в процессе формирования нового статуса женщины в условиях становления первой советской гендерной композиции. В диссертации впервые дан анализ численности и состава женщин Урала, выявлены и типологизированы основные структуры женского социума, прослежена их динамика в 1920-е – середине 1930-х гг., охарактеризованы основные направления деятельности женщин, показана роль женщин Урала в культуротворческом процессе.

Работа представляет собой опыт системного анализа исторических явлений, демонстрирующих, как в стране с патриархально-подданническим типом политической культуры женский социум Урала в ходе модернизационных процессов социалистического типа реагировал на внедрение новых нормативно-правовых принципов и социальных ценностей. Существенно расширена и дополнена статистическая информация о социальном составе женщин Урала, впервые представлены сведения о борьбе традиционного, либерального и пролетарского дискурсов женского движения в 1920-е – первой половине 1930-х гг., выявлены и введены в научный оборот десятки имен женщин-ученых, деятельниц культуры и искусства, спортсменок, партийных деятельниц и депутаток Советов различного уровня, монахинь и др., не вошедшие в региональные энциклопедические и др. справочные издания (Бояршинова, О.М. Брикнер-Юшманова, Ивановская, Пермякова и др.). Предпринятая систематизация моделей женского успеха на основе политических предпочтений женщин и их статусов, образовательного уровня и творческих способностей позволила определить основные направления и уровни социальной мобильности для женщин, выявить потенциалы социальных лифтов. Новыми являются ряд положений и выводов автора, касающихся типичного и своеобразного в путях внедрения женщин в научное сообщество; особенностей протекания процесса вторичной социализации казачек и насельниц монастырей. В научный оборот вводятся документы и факты, характеризующие ранее не известные стороны работы по борьбе с проституцией. Пересмотрены и расширены представления о положении женщин в ходе колхозного строительства. В частности, новым является взгляд автора на характер занятости

[1] Радина Н.К. Гендерная идентичность // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 31-32.

сельских женщин и меру возможности их внимания к детям в процессе ведения домашнего хозяйства и дворохозяйства. Впервые системно дана характеристика участия женщин Урала в политической оппозиции большевизму, выявлены имена эсерок, меньшевичек, анархисток и др. Политические репрессии первой половины – середины 1920-х гг. среди женщин показаны как составная часть единого и целостного процесса становления тоталитарного политического режима.

Научное значение работы определяется также тем, что её основные положения и фактический материал углубляют понимание процессов советской модернизации, формируют более полное представление о носительницах инновационных и традиционных практик, восприятии ими изменений в содержании гендерных ролей. В научный оборот введены ранее неопубликованные архивные материалы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1920-е – первой половине 1930-х гг. сложилась советская гендерная композиция, базовыми, фундаментальными чертами которой стали юридическое равноправие женщин с мужчинами; гражданский брак; свобода разводов, обязанность мужчин после развода материально обеспечивать совместных несовершеннолетних детей; охрана материнства и младенчества; признание женщин как «новых неиспользованных сил для коммунистической партии», втягивание их в управлении государством, широкое вовлечение в общественное производство, в том числе в его управленческие структуры; опора на женское трудовое население; отрицание самостоятельных женских организаций; задача высвобождения женщин от работы в домашнем хозяйстве путем создания системы общественного воспитания детей, общественного питания, общественных прачечных, бань, мастерских по ремонту одежды и обуви. Спецификой советской гендерной композиции в 1920-е гг. стало массовое организованное советское женское движение, сосуществование наряду с советской других гендерных женских моделей (монашеской, старообрядческой, толстовской, меннонитской, истинно-православных христиан); дискурсность женского движения, признание проституции и борьба с ней; ограниченность выдвиженчества в производственной сфере в основном неуправленческими должностями; высокая степень религиозности и практика двойной обрядовости; сохранение роли посиделок в качестве традиционных, подконтрольных обществу механизмов формирования сексуальности; пропаганда отношения к женщине как к товарищу; преобладание маскулинности в визуальном образе «новой женщины».

2. 1929-1932 гг. являются рубежным периодом между двумя моделями первой советской женской гендерной композиции. К отличительным признакам второго этапа (в первой половине 1930-х гг.) относятся резкое сокращение государственной поддержки и массовости советского женского движения при внешней множественности новых организационных форм работы среди женщин; массовое вовлечение женщин в тяжелую промышленность – в «мужские» отрасли и «мужские» профессии; изменение характера выдвиженчества; смещение опоры с красноармеек на красных партизан; исключение крестьянок-единоличниц из круга трудящихся женщин; унификация гендерной композиции и свёртывание альтернативных гендерных женских моделей в ходе формирования тоталитаризма; пресечение традиционных культурных практик совместных встреч юношей и девушек (посиделок), изменив-

шее социокультурную среду гендерной адаптации[1]; сокращение свободы аборта; пропаганда феминного визуального образа женщины; возрождение семейных ценностей; распространение загруженности женщины общественной работой, оценка проституции как формы паразитизма и тунеядства; формирование женских культурных практик выживания в среде репрессированных. Членство в правящей партии и партийный стаж, сотрудничество с советской властью при наличии организаторских качеств, высшее или среднее образование, личные творческие способности стали главными видообразующими признаками основных моделей женского успеха. Принадлежность к «бывшим», к казачеству со второй половины 1920-х гг. выступали факторами прекращения карьерного роста.

3. По мере развития женского социума на Урале изменялась его социальная структура. В результате проявления общих тенденций формировались новые крупные социальные группы (красноармейки, коммунарки, колхозницы, совхозницы, квалифицированные работницы промышленных предприятий, женщины-советские служащие, жёны инженерно-технических работников и начальствующего состава). Происходило образование и расширение новой социальной общности «советские женщины», постепенное отторжение группы крестьянок-единоличниц, формирование слоя переселенок, ссыльнопоселенок и трудпоселенок. К маргинальным группам стали относиться казачки и насельницы монастырей.

4. Мировоззренческие позиции женщин и степень осмысления ими политических событий определялись во многом жизненными обстоятельствами, глубиной ума, особенностями психологического склада личности. Успешность политической активности коммунисток («старых большевичек», «большевичек» и «новых партиек») и делегаток определял статус Коммунистической партии как правящей. Элиту уральского женского социума составили «старые большевички», женотделовки (среди них – женработницы Уральского бюро ЦК ВКП(б) и заведующие губернских, позже окружных отделов по работе среди женщин в партийных комитетах), жёны высшего – в рамках областного уровня – партийного, советского и хозяйственного руководства, часть выдвиженок-управленцев и немногочисленные стахановки-орденоноски. Особенности мировоззрения старообрядок, меннониток, толстовок порождали стремление к консервации их культурных практик, которое было ещё возможным вплоть до начала 1930-х гг.

5. Важнейшие функции женщин в семье (супружеская, фертильная и материнская, ведение домашнего хозяйства, участие в организации дворохозяйства) осуществлялись в чрезвычайных условиях преодоления разрухи в послевоенный период, двух крупных этапов голода, частых изменений экономического и политического курсов, ужесточения политического режима. При государственной организации акушерско-гинекологической службы возрастала доля медицинского сопровождения беременности, родов и послеродового периода; по мере преодоления предубеждений против мероприятий по охране материнства и младенчества сокращалась численность домашних родов, увеличивалось число родов, проходивших под медицинским надзором, формировались нормы бережного отношения к беременным, укоре-

[1] Гендерной адаптацией называют фазу полоролевой социализации, социально-психологическое приспособление к существующим в обществе гендерным отношениям, нормам и ролям. – См.: Красова Е.Ю. Полоролевая адаптация // Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002. С. 177.

нялись правильные методы ухода за грудным ребенком. Тяжелыми оставались условия течения беременности и родовспоможения в среде спецпереселенцев. Социальная дифференциация внутри советского общества и вид жилища (дома-коммуны, элитное или обычное индивидуальное, казарменное или полуказарменное жильё) определяли основные типы организации домашнего быта. Несмотря на попытки претворения в жизнь программы «нового быта» в домоводственной деятельности женщин, по-прежнему, сохранялось значение труда домашней прислуги.

6. Нормативные и институциональные изменения, протекавшие в ходе осуществления культурной революции, развитие средств массовой информации, придание ряду досуговых форм (художественной самодеятельности, физкультурным занятиям и т.п.) статуса пропагандистско-идеологической работы – всё это предопределило активное обращение женщин к деятельности в сфере художественной культуры, науки, физкультуры и спорта в крае. Основы внедрения женщин России в научное сообщество были заложены в деятельности «предшественниц первого поколения», получивших признание в качестве ученых ещё до конца XIX в., и «ученых первой волны», состоявшихся как крупные исследователи к 1917 г. «Вторую волну» образовали женщины, добившиеся признанных научным сообществом результатов в первой половине 1920-х гг., возобновившие научную работу, прерванную революционными событиями 1917 и Гражданской войной, или впервые обратившиеся к ней в 1920-1925 гг. «Третья волна» – это женщины, зачастую недворянского происхождения, приступившие к научной работе в советское время и получившие признание во второй половине 1920-х гг. К женщинам-ученым «четвертой волны» принадлежали те, кто в основном получил высшее образование в советских вузах и добился значительных научных результатов в первой половине 1930-х гг., часто после обучения в аспирантуре. Основными сферами науки, в которых достижения женщин Урала были наиболее значимы, стали геология, минералогия, химия. Занятия физкультурой и спортом из досуга элиты стали формой времяпровождения широких слоев женщин.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории России, при написании общих курсов по Отечественной истории, а также специальных курсов по истории Урала, истории женщин, гендерной истории, истории женского движения в России. Полученные результаты имеют прикладной характер и могут использоваться при разработке положений современной социальной политики в отношении женщин.

Апробация работы: основные положения и выводы диссертации были обсуждены на кафедре истории Южно-Уральского государственного университета, рассмотрены на международных, всероссийских и региональных научных конференциях в Усть-Каменогорске (Республика Казахстан), Москве, Воронеже, Екатеринбурге, Перми, Сыктывкаре, Саратове, Ярославле, Ставрополе, Тамбове, Коломне, Новгороде, Челябинске, Кургане и др.

Результаты исследования изложены в 70 научных публикациях общим объемом 48,26 п.л., в том числе 18, опубликованных в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, 2 монографиях (в т.ч. 1 – коллективной).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во ***введении*** работы обоснована ее актуальность, раскрыта степень научной изученности, определены объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, цели и задачи исследования, охарактеризована источниковая база, теоретико-методологические основы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, описана научная новизна и практическая значимость исследования.

В **первой главе «Степень научной изученности темы и методологические основы исследования»** раскрывается историография проблемы и методология исследования.

Во **второй главе «Формирование первой советской гендерной композиции»** показан процесс складывания и трансформации особого типа женской гендерной роли, который предопределил своеобразие первой модели советской гендерной композиции, выявляются ее общие и специфические черты, характеризовавшие типичные виды деятельности, социальный статус и распространенные представления о женщине на первом и втором этапах первой советской гендерной композиции.

В первом параграфе «Складывание гендерной модели в 1920-е гг.» рассматривается постепенное изменения содержания предписанных и ожидаемых образцов поведения, по-новому дифференцировавших права и обязанности, статусы, деятельность женщин.

Сущность сложившейся в 1920-е – первой половине 1930-х гг. советской гендерной композиции определял ряд основополагающих принципов, строившихся на равенстве женщин и мужчин перед законом. Были введены гражданский брак, с 1926 г. – законным признавался фактический брак; предоставлена свобода разводов, на отцов возложена ответственности по оказанию помощи в содержании совместных несовершеннолетних детей в случае развода. Широко осуществлялась система социально-экономических и медицинских мер, направленных на сохранение и поддержание здоровья матери и ребенка, предупреждение и лечений патологий в ходе течения беременности, в родовой и послеродовой периоды. Собственные представления о роли женщин в обществе без эксплуатации и стремление получить в лице женского трудового населения социальную базу новой власти обусловили выдвижение задачи высвобождения женщин от работы по домоводству, проведение политики их целенаправленного вовлечения в управлении государством, в общественное производство, в том числе в его управленческие структуры. Открытый и пассивный характер носило сопротивление «интеллигенток» вовлечению в женскую работу.

Ряд специфических черт отличали развитие советской гендерной композиции в 1920-е гг. Женское движение в этот период носило дискурсный характер. Наряду с развернутым массовым советским женским движением продолжали функционировать другие гендерные женские модели. Основными среди моделей несоветского типа можно назвать монашескую и старообрядческую. В 1920-е гг. признавалось наличие проституции в советском обществе и необходимость борьбы с ней. Выдвиженчество на производстве было направлено в большей степени в неуправленческую сферу. Столкновение силы традиций с силой советского этатизма порождало

двойственность культурных практик в процессе их трансформации. Гендерной особенностью культурного кода первого советского десятилетия стали возникшие в нормативной практике, но не закрепившиеся в дальнейшем положения о предоставлении женщинам нескольких дней отпуска в период регулов. Традиционные посиделки сохраняли свою роль установившихся издавна и подконтрольных обществу механизмов формирования сексуальности. Маскулинные черты маркировали визуальный образ «новой женщины»-товарища.

Во *втором параграфе «Развитие гендерной композиции в первой половине 1930-х гг.»* характеризуются своеобразные черты второго этапа первой советской гендерной модели, порожденные в ходе ее видоизменения в условиях складывания тоталитарного общества.

При наличии общности базовых черт с первым этапом отличительными признаками гендерной модели первой половины 1930-х гг. стали свертывание массовости советского женского движения при сохранении видимости его прежней активности насаждением череды новых организационных форм. Целенаправленно стало осуществляться широкое вовлечение женщин в «мужские» отрасли и «мужские» профессии. Расширилось внедрение женщин в управление производством. Ориентация на поддержку красных партизан отодвинула красноармеек на второй план. Постепенно крестьянки-единоличницы ставились вне круга трудящихся женщин.

Изменилась социокультурная среда гендерной адаптации: свертывание НЭПа на фоне вовлечения женщин в публичную сферу привело к пресечению традиционных культурных практик совместных встреч юношей и девушек на посиделках. На фоне возрождения идеи семейных ценностей сокращалась свобода аборта. Загруженность трудящихся женщин общественной работой вкупе с недоступностью постоянного питания в общественной сфере порождало ситуации ролевого конфликта. Трагическую особенность времени отразило формирование женских культурных практик выживания в спецпоселениях в условиях нарастания политики репрессий.

По мере нарастания тоталитарных элементов терялись духовно-политические и социально-экономические основы альтернативных гендерных женских моделей, гендерная композиция унифицировалась. В числе главных критериев достижения успеха на первый план наряду с членством в партии большевиков и партийным стажем выходили преданность линии партии, верность, сотрудничество с советской властью. Сократилась социальная база действия моделей женского успеха: постепенно принадлежность к «бывшим», к казачеству выступали факторами прекращения карьерного роста. Проституция стала считаться проявлением паразитизма и тунеядства. Пропагандировались феминные черты визуального образа женщины.

В *третьем параграфе «Модели женского успеха»* показано, что возможности достижения желаемого, получения общественного признания были связаны с назначением на должности, расширявшие пределы полномочий, и видами деятельности, вознаграждаемыми выше среднего, а также с областью творчества.

Первая модель женского успеха предполагала получение чаще всего «старыми большевичками», реже «новыми партийками», в зависимости от организационных способностей, высоких партийных и государственных постов. «Социальным лифтом» к ним часто выступали отделы по работе среди женщин. Видной деятельницей стала М.А. Шабурова, с 1934 г. – заведующая Женсектором отдела агитации ЦК ВКП(б).

Вторая модель успеха была характерна для женщин из социальных низов, не имевших полного или неполного среднего образования в рамках программы женской гимназии, и связана в основном со средним и нижним уровнями партийного, советского или административно-хозяйственного аппарата. «Социальными лифтами» при этом выступали также делегатство, выдвиженчество, ударничество и стахановское движение, овладение мужскими профессиями.

В основу третьей модели легло достижение женщинами высоких результатов в науке. Геолог О.Н. Щеглова-Бородина, летом 1922 г. обнаружившая на Калатинском медноколчеданном месторождении остатки кораллов, с 1931 г. стала доцентом кафедры исторической геологии Уральского университета. Начальник геологической партии горный инженер А.К. Шарова открыла в 1930-1932 гг. новое месторождение хромистых железняков («месторождение А.К. Шаровой»). Е.С. Кливанская-Кроль с 1931 г. заведовала кафедрой педиатрии Свердловского медицинского института, совместно с доцентом Р.П. Зетель-Коган она организовала кафедру детских болезней. По совокупности работ в 1933 г. ей была присуждена степень доктора медицинских наук. Степень доктором геолого-минералогических наук в 1935 г. получила В.А. Варсанофьева. Её книга «Происхождение Урала и его горных богатств» (1934 г.) стала пособием для студентов педагогических вузов по курсу исторической геологии.

Четвертая модель успеха была связана с обращением к художественному творчеству. Многие женщины вошли в когорту выдающихся, драматических и оперных актрис, вокалисток, литераторов и т.п. С.Г. Гиззатуллина-Волжская возглавляла Татарский драматический театр в Ижевске. С 1931 г. М.Н. Елгаштина стала основателем и художественным руководителем Объединенного театра кукол в Уфе. В 1931 г. оперная певица М.В. Баратова была приглашена солисткой Большого театра. Г. Козолупова в 1933 г. стала лауреатом I Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей. Книга Л. Сейфуллиной «Правонарушители» была введена в школьную программу, а написанная по мотивам «Виринеи» пьеса поставлена на сцене многих театров в СССР и за рубежом.

Пятая модель женского успеха была сопряжена с частной предпринимательской деятельностью в годы НЭПа. Шестая – предполагала удачное замужество либо случайное стечение обстоятельств, позволившее избежать трагической судьбы в период нарастания репрессий.

В четвертом параграфе «Проституция среди женщин на Урале и борьба с ней» рассмотрены виды проституции, степень её распространения в крае и меры, направленные на её преодоление; показаны социальные слои рекрутирования проституток.

Отказ от политики регламентации проституции и закрытие официальных публичных домов с октября 1917 г. осуществлялось в свете представлений о том, что проституция будет исчезать по мере становления коммунистических основ хозяйства и общежития. Возрождение профессиональной и подсобной проституции в различных её формах в начале 1920-х гг. первоначально привело к применению в русле прогибиционизма облав, задержаний, принудительных осмотров, направлений в концентрационные лагеря, затем в русле аболиционизма – просветительства, лечебно-воспитательных мер и вовлечения в производительный труд. Ставилась цель предотвращения «впадения в проституцию» девочек и девушек, особенно беспри-

зорниц и воспитанниц детских домов; молодых женщин, одиноких и не имевших профессии или документов; матерей с несовершеннолетними детьми (особенно безработных). На основе поступавших циркуляров, писем, положений на Урале для борьбы с проституцией в 1921 г. были организованы губернские комиссии, в 1922 г. – междуведомственные комиссии, в 1923 г. – советы. В Челябинской губернии эта работа велась целенаправленно по главному направлению, в Екатеринбургской и Пермской губерниях она тесно соединялась с борьбой против женской безработицей, в Тюменской – с борьбой против нищенства.

Условность грани между проституцией и развратом в обыденном сознании при отсутствии нормативно-правовой базы и низком культурном уровне порождало смутность представлений. В начале 1920-х гг. иногда под видом общих собраний граждан проводились мужские собрания, принимавшие вид судилищ над неугодными женщинами. В основном «исключительными виновницами» распространения проституции считались женщины. Лишь в Перми в 1923 г. была предпринята одна из редких попыток выявить реальные истоки проституции, коренившиеся в том числе и в спросе со стороны мужчин. Было предложено (но не принято) сообщать в прессе фамилии клиентов, задержанных с проститутками. В числе превентивных мер называли восстановление практики медицинских справок при вступлении в брак, проведение повальных обследований женщин на предприятиях и в учреждениях. В Пермской губернии в 1923-1924 гг. некоторое время действовало предписание сохранять ведомственное жилье за уволенными женщинами.

Эта работа не пользовалась популярностью, женотделовки старались переложить ее на представителей уездных отделов социального обеспечения, комитеты биржи труда и др. организации. «Интеллигентки» считали неприличным для себя даже публичное обсуждение таких проблем на женских и делегатских собраниях.

В полном объеме предполагавшуюся программу (создание трудовых колоний, распределителей, профессиональных школ, мастерских и земледельческих коммун) на Урале, как и по стране в целом, реализовать не удалось. Однако в крупных городах края были созданы кожно-венерологические диспансеры, Дома временного пребывания женщин. В Оренбурге в 1930 г. располагался профилакторий для проституток (один из 22, созданных в стране). В русле общесоюзных тенденций с конца 1920-х гг. работа по борьбе с проституцией свертывалась: с 1929 г. она была передана в ведение комиссий по улучшению труда и быта женщин, с 1930 г. – аналогичных комитетов, – и после ликвидации в июне 1932 г. созданного в феврале 1931 г. Центрального совета по борьбе с проституцией работа постепенно была прекращена совсем. Лозунг «Коммунизм – могила проституции» был забыт. В 1935 г. занятие проституцией было отнесено к преступной и антиобщественной деятельности.

В **третьей главе «Структуры женского социума Урала в 1920-1935 гг.»** приведены основные количественные и качественные характеристики основных элементов женского социума, показана его трансформация.

В первом параграфе «Общая характеристика основных структур женского социума на Урале» анализируются динамика изменений, происходивших в его крупнейших социальных группах в зависимости от политической ситуации и направления социально-экономических преобразований.

При общем росте численности женщин с 3 млн. 432 тыс. чел. в 1920 г. до 4 млн.

233 тыс. чел. в 1932 г. (и 4 млн. 523 тыс. чел. в 1937 г.) наблюдавшееся до начала 1930-х гг. постепенное снижение доли женщин в структуре населения Уральской области (с 55,43% до 52,6% соответственно) сменилось ростом женского перевеса (до 53,46% в 1937 г.). Крупнейшими группами самодеятельных женщин были помогающие члены семьи, доля которых к 1926 г. возросла до 78,4%; хозяева (в 1920 г. – 12,5 %), рабочие, служащие и прислуга. Среди городов-заводов – особого типа поселения на Урале – к центрам сосредоточения женского населения в начале 1920-х гг. относились Мотовилихинский завод Пермского округа; Верх-Исетский и Каслинский заводы Екатеринбургского округа, а также Нижне-Салдинский завод Тагильского округа. Населенных пунктов с мужским перевесом, паритетом или примерным равенством мужского и женского населения на Урале насчитывалось примерно по одному в округе. В большинстве своём это были железнодорожные станции, копи, прииски и рудники.

Преобладание женщин в составе населения характеризовало нагайбаков, русских, марийцев, пермяков, башкир и вотяков. Среди татарского, остяцкого, еврейского, украинского, белорусского и зырянского населения наблюдался мужской гендерный перевес. Этнические группы женского социума выступали носителями своей национальной культуры.

Формировались новые социальные группы (красноармеек, коммунарок, колхозниц, совхозниц, квалифицированных работниц промышленных предприятий, женщин-советских служащих, жён инженерно-технических работников и начальствующего состава, студенток, в т.ч. рабфаковок и др.). Происходило образование и расширение новой социальной общности «советские женщины», постепенное отторжение группы крестьянок-единоличниц, формирование слоя переселенок, ссыльнопоселенок и трудпоселенок. К маргинальным слоям стали относиться казачки и насельницы монастырей.

Во втором параграфе «Работницы, прислуга, крестьянки, служащие» анализируются состав и положение основных категорий работающих женщин.

105 тыс. работниц составляли третью по величину группу самодеятельного женского населения Уральской области. Крупнейшими отрядами женщин-рабочих (в пределах от 8 тыс. до 1 тыс. чел.) в 1920 г. были швейники, текстильщики, металлисты, железнодорожники, кожевенники, местнотранспортники, пищевики и горнорабочие. В рядах водников, писчебумажников и трамвайников женщин насчитывалось крайне мало.

В городах края в 1923 г. среди самодеятельных женщин первое место занимали служащие, второе – работницы. Существенную долю городских работниц составляли штопальщицы, банкоброшницы, модистки, щляпницы, корсетницы, белошвейки, швеи, перчаточники, рукавичники. Единично женщины были представлены среди забойщиков, камнеломов, шахтеров, рудокопов, слесарей по металлу, литещиков, клепальщиков и котельщиков, механиков; шире – в группе железнодорожников (до трети – в линейных сторожах и старших ремонтных рабочих). Вплоть до 1926 г. чисто мужскими оставались профессии тракториста, часовщика, ювелира, крепильщика в строительстве, водопроводчика. Среди работниц в начале 1920-х гг. реже более чем в 10 раз, нежели среди мужчин-рабочих, наблюдался невыход на работу. Почти не отмечалось недобросовестного отношения к работе, нарушений внутрен-

него порядка. В условиях безработицы престижно было получить место уборщицы, сторожа, мойщицы вагонов. Изменился стиль отношений: прекратились избиения женщин мастерами, однако хамство и нецензурная брань всё еще наблюдались.

Женщины преобладали в составе прислуги. Так в 1920 г. в Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерниях на 82% он был женским. Процентное соотношение прислуги в первой половине 1920-х гг. сохранялась примерно на одном уровне: в 1920 г. прислугой работали 1,4 % самодеятельных женщин в регионе; в 1926 г. – 1,49%. По городской переписи 1923 г. более половины женской прислуги относились к дворовой или служили в трактирном промысле, почти треть – работали личной прислугой, и более 10% – прислугой в предприятиях гигиены. В середине 1920-х гг. социальные интересы прислуги защищались трудовым договором.

В 1920-е – первой половине 1930-х гг. женщины, занятые в дворохозяйстве, включались в категорию крестьянства. Они учитывались советскими переписями в группах «помогающие члены семей» и «хозяева». В 1920 г. на Урале были заняты в сельском хозяйстве 94,9% женщин-хозяев. Четверть всех уральских крестьянских хозяйств, оставшихся без мужчины-кормильца, возглавлялись женщинами. Право женщин на землю повышало социальный статус крестьянок. В октябре 1929 г. на Урале насчитывалось не менее 114 тыс. колхозниц, в конце августа 1930 г., после «отлива», их количество уменьшилось более, чем вдвое, но к июлю 1931 г. вновь выросло более, чем вдвое по сравнению с августом 1930 г.

В новую элиту, трудовую, вошли «героини труда», ударницы, стахановки, члены коммунистических бригад.

Расширилась категории женщин-служащих. Среди них выделялись представительницы нового педагогического персонала (воспитательницы и другие работницы детских садов, площадок, очагов; пионервожатые, «групповоды», «педагоги, ведущий внешкольную работу» и др.). Росла доля сестёр социальной помощи, учительниц, оспопрививательниц. По-прежнему, особой оставалась группа кормилиц. Постепенно женщины стали занимать должности прорабов в разных отраслях, становились коллекторами, вступали в ряды преподавателей состава и сотрудников высших и средних учебных заведений.

В *третьем параграфе «Казачки в условиях новой жизни»* показаны изменения в жизни казачек, произошедшие в результате отмены сословий, упразднения казачьих войск, ликвидации остатков казачьего самоуправления, проведения социально-экономических преобразований.

В узком смысле «уральской казачкой» называли казачек из Уральского казачьего войска, в широком – любую женщину из казачьей среды на Урале вне зависимости от ее принадлежности к Оренбургскому, Сибирскому или Уральскому войску, дислоцировавшихся на территориях современных Челябинской, Оренбургской и Курганской областей. К 1920 г. многие станицы в крае обезлюдели наполовину и более. В результате работы станорганизаторов, первоначально в основном мужчин, создавались делегатские собрания, комиссии при станичных исполкомах советов, открывались ясли, детские дома, проводились субботники и т.п. В начале 1920-х гг. большая часть казачек в выборной кампании в Советы не участвовала. В станицах активнее выступали «разночинки» и «мужички».

Острейшие столкновения мужских и женских интересов происходили в сфере

землепользования. При разделах земли по «едокам» (и в значительно меньшем, чем ранее, размере) землю даже старожилам-«разночинкам» либо не выделяли, либо выделяли совсем немного.

На молодежных гуляньях, происходивших только в праздничные дни (59 дней в году), девочки-подростки (от 11 до 17 лет) в общепринятых и строго установленных казачьим социумом границах получали навыки общения с противоположным полом. До 1914 г. девицы гуляли только отдельно от парней, затем под влиянием беженцев появилась практика совместных, но всегда коллективных, прогулок. Колонной в несколько рядов (юноши отдельно, девушки отдельно) ходили по улицам, распевая песни. Никогда в казачьих селеньях нельзя было встретить отдельные парочки, хотя в лесу можно было гулять парами. Эти ухаживания никогда не вели к браку. Замуж по любви выходили крайне редко: браки заключались по указанию родителей. Общение происходило также на «половинках»; на «супрядках» (всегда проходивших мирно, без мужских драк), «вечерках» (часто сопровождавшихся драками). Они был важной сферой женского досуга, поскольку многие основные формы отдыха в казачьей среде (джигитовки, взятие снежного городка и, ранее – праздник в честь войскового смотра) носили военизированный, а потому маскулинный характер.

Для казачек была характерна крайне незначительная степень распространения добрачных связей, отказ от аборта при нежелательной беременности (внебрачных детей при этом передавали в детские дома). С конца 1920-х гг. стал наблюдаться рост разводов. На казачек, связанных чувством семейного долга, родственной любви, зачастую возлагалась моральная ответственность как на пособниц восставших. Раскол на «красных» и «белых» произошел не только индивидуальном сознании отдельных казачек, но и в общественном сознании всего казачьего общества. Тень недоверия к казачеству из-за дутовщины, попыток провозглашения казачьих государственных образований, клеймо «родственниц белоказаков», незримо легшее на многих казачек, политика новой власти – все это осложняло неизбежные трансформации в их мировоззрении.

В *четвертом параграфе «Насельницы уральских монастырей»* прослеживаются изменения в жизни насельниц более 30 уральских женских монастырей (игумений, монахинь, послушниц, белиц), вызванные закрытием их обителей.

После закрытия монастырей насельницы оставались служить при храмах или уезжали в близлежащие населенные пункты, реже – арестовывались и, за исключением престарелых, направлялись в концлагеря. Игуменьи и молодые энергичные монахини становились инициаторами организации новых монашеских общин. Такие общины возникли, например, из насельниц Екатеринбургского, Каслинского и Верхотурского женских монастырей по инициативе Антонии (Сычевой) в селах Маминском, Троицком, Кисловском и др. под Екатеринбургом; под руководством Ольги Шубиной – из насельниц Успенского Верхотурского и Покровского Верхотурского женских монастырей в Верхотурье и окрестных селах и др. В них бывшие насельницы продолжали вести свою духовную жизнь, наполненную молитвами, обычным трудом, заботой о ближних, помощью старцам. Бывшие монахини вели беседы с верующими, собирали подписи под прошениями, деньги и продукты на церковь, на содержание благочинного и епископа, читали книги, организовывали моления и песнопения на домах у верующих (часто без разрешения местных властей); срывали

антирелигиозные плакаты в клубах, избах-читальнях; открыто беседовали со школьниками на улице о Боге; оказывали помощь священнослужителям и монашествующим, оказавшимся в заключении. Ряд монахинь, в т.ч. О. Шубина, были репрессированы по делам «поповско-монашеской кулацкой организации» Сарапульского архиепископа Алексея Кузнецова, архимандрита Ксенофонта Медведева и др. в 1931 г. В 1935 г. были репрессированы 11 монахинь Сербишинского монастыря на Асбестовом руднике. Почти прекратились пострижения.

В *пятом параграфе «Репрессированные женщины»* проанализированы основные направления политических репрессий среди женщин, осуществлявшиеся для выявления контрреволюционных элементов в среде «бывших» и в других слоях общества.

Анализ материалов «Книг памяти… » показывает, что 97% политических репрессий среди женщин Урала в целом пришлось на первую половину 1930-х гг., в значительной мере – на 1932 г. и 1935 г., 2,94% – на 1920-е гг. В Свердловской области наиболее часто аресты производились в 1932 г. (33,5%) и 1933 г. (28,35%), реже – в 1930 г. (15,9%) и 1935 г. (15,46%). Самыми распространенными мерами наказания были ссылка и направление в исправительно-трудовые лагеря. В меньшей степени применялись «принудительные работы», лишение свободы, заключение в концлагерь, прикрепление к определенному месту жительства, тюремное заключение, лишение права проживания в 12 пунктах Уральской области с прикреплением к определенному месту жительства. В редких случаях наказание носило условный характер. В Пермской области аресты усилились в 1929 г. и 1930 г., большая часть из них была произведена в 1933 г. – 59%. В 1935 г. – 13%.

Репрессиям подвергались женщины из самых различных социальных слоев. Среди них пострадавшие по религиозным мотивам составили в Свердловской области почти половину, в Республике Коми – 36%. По возрасту в Свердловской области самую многочисленную группу – более четверти всех арестованных – составили женщины от 50 до 59 лет. От 40 до 49 лет – 22,98%, от 30 до 39 лет – 22,36%. 5,59% подверглись репрессиям в возрасте от 10 до 19 лет, 10,55% – в возрасте от 60 до 79 лет. В Пермской области 22,67% репрессированных женщин находились в возрасте от 30 до 39 лет, 20,08% – в возрасте от 50 до 59 лет и 19,65% – от 40 до 49 лет. 3,4% были арестованные в 16-19 лет, 15,8% – в 60-88 лет.

Сохранился статус Урала как традиционного места ссылки. В Оренбурге в ссылке с осени 1922 г. по 1925 г. находилась бывшая кадетка, бактериолог Л.М. Горовиц-Власова; в Свердловске с 1924 г.– бывшая фрейлина О.М. Веселкина (ставшая основателем уральской школы изучения иностранных языков), с лета 1925 г. – меньшевичка Р.Ф. Губер-Гриц, с 1925 г. – И.Д. Голицына в Перми. В Челябинской пересыльной тюрьме в 1933 г. содержалась инженер Л.Я. Пальмен и др.

В ходе насильственной коллективизации с 1930 г. по 1932 г. на Урале были расселены около 550 тыс. чел раскулаченных, среди которых женщины составили не менее 30%. При направлении в ссылку мужчин обычно арестовывали, семьи раскулаченных сразу или через некоторое время изгонялись из домов, их имущество конфисковывалось. Женщинам в течение нескольких часов, дней, недель, месяцев приходилось решать проблемы организации временного быта: чаще всего налаживать быт в заброшенных избушках, банях, сараях, конюшнях, в пакгаузах на станциях и

т.п. При перевозке переселенцев в товарных вагонах сфера частной жизни неизмеримо сокращалась. Стирать вещи и мыть детей запрещалось. По прибытию на место расселения женщины делали то, что требовала обстановка: помогали мужчинам сколачивать двух-трехъярусные нары, резали дерн для земляных бараков, таскали кирпичи, разгружали глину и т.п. Спецпоселенки трудились также на различных работах: на погрузке глины, руды, телятницами и водовозчицами в сельскохозяйственных артелях, коновозчиками и др.

В четвертой главе «Мировоззренческие позиции женщин и определяемые ими статусы» выявлены основные пласты мировоззрения женщин, показано, что на фоне безразличного отношения к политике основной части женского населения Урала, среди активных субъектов политической деятельности наибольшее распространение получили идеи большевизма, в меньшей степени – эсерства.

В *первом параграфе «Политические предпочтения и статусы женщин»* рассмотрены позиции женщин по отношению к государственной власти, обусловленные типами и формами жизнедеятельности, жизненным опытом, особенностями мышления и т.п., описано положение женщин в иерархии соответствующих отношений.

К группам с устойчивыми политическими убеждениями относились женщины, предпочтения которых в основном сложились на почве той или иной партийной принадлежности еще до революционных событий 1917 г., – коммунистки, эсерки, анархистки, меньшевички, народницы.

Среди коммунисток («партиек» в широком смысле слова) выделялись «большевички», вступавшие ещё в РСДРП(б), в том числе, «старые большевички», вставшие на позиции В.И. Ленина задолго до 1917 г., и «новые партийки», вступившие в РКП(б)-ВКП(б) в 1918-1919 гг. и позже. В число «старых большевичек» входили К.И. Кирсанова, А.Н. Бычкова, Е.Б. Вайнер, М.Н. Уфимцева, Р.Г. Виленкина, З.Ф. Осколкова, Е.Н. Богораз, А.Н. Маркова, К.П. Чудинова, участница штурма Зимнего А.Я. Гусева и др.

Как абсолютная, так и относительная численность коммунисток на Урале была невелика. В мирное время условия приема женщин в партию существенно ужесточились. В Уральской областной партийной организации к 1925 г. на каждую ячейку приходилось в среднем 4 коммунистки; по ВКП(б) в целом – 10. В 1933 г. 38099 коммунисток в Уральской партийной организации составили 17% её состава. Многие женщины были искренне, беззаветно преданы делу строительства общества без эксплуатации. Они проводили в жизнь политику РКП(б), часто отдавая за это свои жизни (А. Репина, О. Пузикова и др.). В структуре политических убеждений многих молодых коммунисток преобладала скорее вера, нежели знания. Именно в связи с этим удельный вес женщин в составе пропагандистов городских и районных комитетов Урала оставался весьма невысоким (в 1935 г. – 10-13%).

К числу наиболее активной и мобильной части коммунисток относились ответственные работницы среди женщин: женотделовки, женорганизаторы, в т.ч. волорганизаторы, райорганизаторы, сельорганизаторы, ячейковые организаторы и т.п. Они проводили женские и делегатские совещания по работе среди женщин, съезды, общие собрания, собрания коммунисток, красноармеек, домохозяек и т.п., бывшие основными каналами формирования политических взглядов женщин; оказывали женщинам помощь в трудоустройстве, урегулировании трудовых конфликтов, разрешении бытовых проблем. Большим влиянием пользовались командированные

женработницы.

Многие «старые большевички» воспринимали особую работу среди женщин как проявление тенденции к обособлению от общепартийной работы, стремились всячески избежать ее. Активно поддерживали женскую работу «новые партийки», выдержавшие жесткую борьбу в 1922-1923 гг. во время острых дискуссий с работниками исполнительных комитетов Советов по вопросу о целесообразности вовлечении женщин в работу в советских органах власти.

Активную позицию в развернувшейся внутрипартийной борьбе занимали М.Н. Уфимцева, О.Н. Мрачковская, подвергнувшиеся в конце 1920-х – начале 1930-х гг. репрессиям как «троцкистки».

Формировались новые культурные практики, в том числе участие девушек, девочек в коммунистическом молодежном и детском движении, новые культурные коды, атрибутами которых становились короткая стрижка, более свободная манера обращения девушек и юношей и т.п. В 1923-1924 г. комсомольцам запрещалось танцевать, за этот «буржуазный пережиток» исключали из комсомола. Покушение в г. Надеждинске в феврале 1935 г. на пионерку Милю Чепурнову было квалифицировано как политическое преступление.

После коммунисток, комсомолок и красноармеек наиболее лояльно относившийся к советской власти слой женщин составили делегатки.

Оставались притягательными овеянные революционным романтизмом эсеровские взгляды. В Тюменской губернии, в Курганском и Троицком уездах Челябинской губернии, где действовали организации «Сибирского крестьянского союза», в 1920 г. эсерами и меньшевиками был выдвинут лозунг «Беспартийные организации женщин!». В 1920-1921 гг. в Челябинском и Троицком уездах создавались беспартийные женские союзы. Позиции эсеров подпитывались проживанием на Урале крупных деятелей социал-революционного движения, в число которых входили относившиеся к «старикам» отбывавшие ссылку в Уфе М.А. Спиридонова, А.А. Измайлович, И.А. Майорова, И.К. Каховская. Осужденная по эсеровскому процессу 1922 г. Е.М. Ратнер находилась в Усть-Ильме. Приводило к эсерству и разочарование в идеях большевизма, вызванное эксцессами коллективизации, репрессиями в отношении оппозиционно настроенных комсомольцев.

Основными направлениями деятельности эсерок в 1920-е – середине 1930-х гг. на Урале помимо активных политических споров в своём кругу и рекрутирования новых сторонников стало установление контактов с эсеровскими группами в других городах, особенно в столицах, снабжение продуктами заключенных на этапах, организация им передач, оказание помощи больным и т.п. Верхнеуральский политический изолятор и Челябинская пересыльная тюрьма как перевалочные пункты на этапах следования на Восток страны и обратно стали местами встреч, знакомств, передачи информации и выполняли роль своеобразных связующих центров не только для эсеров, но и для анархистов, социал-сионистов и др.

Монархистские настроения проявлялись в скрытой поддержке ссыльных аристократов, поминовении членов царской семьи и т.п. Стихийные монархические настроения использовали самозванцы, в числе которых в 1929-1932 гг. по уральским селам ходили и самозванки («Ольги», «Анастасии»).

Во *втором параграфе «Конфессиональные статусы и механизмы поведения*

женщин» показано изменение статусов и характера деятельности представительниц различных конфессий в условиях радикальных преобразований.

Большая часть верующих женщин Урала в исследуемый период были православными христианками. Восстановление патриаршества, появление «тихоновцев», «живоцерковничества» (в 1922 г.), «григорианского раскола» 1925-1926 гг., «правых расколов» – всё это ставило их, наряду с мужчинами, в ситуацию нравственного выбора. Новым в религиозных женских практиках стала борьба за «свои» направления: споры с противниками, беседы о новых расколах, агитация. Необходимость сопровождения ходатайств верующих списками членов общин обусловило рост значимости женщин в жизни прихода. Женщины как члены-организаторы и участницы собраний групп верующих (составляя при этом в отдельных случаях большинство) обсуждали вопросы организации общин, выбора церковно-приходских советов, передачи группам верующим действовавших или закрытых храмов. Часто избирались они секретарями собраний церковных общин.

На Урале создавались дамские кружки при церквях, кружки «ревнителей веры», созывались собрания верующих женщин. В 1927 г. появились сестричества. Они руководились советом из шести человек во главе с председательницей и делились на секции (алтарную, ризничную, цветочную и др.). Возрастание или ослабление религиозности зависело от отношения к священникам, от жизненных трудностей, объема домашних забот и проч. Закреплялись феминные традиции в деятельности игуменей в официальном православии, начетниц в старообрядчестве. Институт диаконисс, возрождавшийся в среде херувимок у старообрядцев-федосеевцев, не появился на Урале. Женщины при церквях были певчими на клиросе, просвирнями. В первой половине 1930-х гг. появились женщины-церковные старосты. Закрытие церквей часто вызывало женские волнения. Возможностей повысить свой социальной статус было больше у старообрядок: они могли стать наставницами – нерукоположенными руководительницами общины, уставщицами, «знающими». В экстренных случаях получали право совершать обряды крещения. Промежуточное между монашествующими и мирскими положение («приобщенных», «соборных») сопровождалось усилением запретов. Раздельность нахождения в молельном доме во время молитвы также отличали старообрядческие женские практики от «церковнических». Новые положения советского брачно-семейного законодательства актуализировали дискуссии о «беззаконных» и «смешанных браках» у поморцев. Беспоповки в качестве начетчиц могли проводить богослужения, совершать похоронные обряды. В связи с исчезновением женских скитов резко уменьшилось число «стариц».

Истинно-православные христианки, среди которых было много странствующих («невидовых» или «странниц») могли добиться статуса «последовательниц» («видовых»), достичь ступени «благодетельницы», «руководительницы престола». Простые странствующие, зачастую увезенные из семей насильно, в детском возрасте были бесправной и бесплатной рабочей силой. Многие из них пострадали во время репрессий по делу «Группы “Всесоюзной нелегальной сектантской организации «истинно-православных христиан”» в Перми и Чердыни и др.

В меньшей степени женщины становились участницами сект иеговистов, хлыстов (где могли стать черничками, а также «духовными наставницами» – «матушками или кормщицами»).

Широта религиозных воззрений оставалась еще значительной. Неправославные христианки были представлены дисперсно разбросанными по городам и селам края католичками и протестантками (лютеранками, евангелистками, пятидесятницами, в меньшей степени – локально проживавшими в Оренбургской губернии меннонитками). Прочной была вера в среде тех евреек, которые были аполитичны. Среди оренбургских калмычек были распространены как буддизм, так и сложный синтез христианских, буддистских и добуддистских верований. Представления нагайбачек сочетали в себе черты христианства и древних домонотеистических верований. Языческие верования, шаманизм были распространены среди вогулок (манси), в среде которых практиковались ритуальные женские обряды, запретные для мужчин. У ненок в северных территориях края звание шамана могло передаваться по наследству и женщине.

Наличие значительного количества мусульманок было особенностью развития женского социума в крае. С одной стороны, женщины-мусульманки втягивались в общественную жизнь, в орбиту нового образа жизни. С другой, проявлявшееся среди мусульман Урала стремление к государственной обособленности порождало долю настороженности в отношении в том числе к представительницам этой части уральского социума. Допуск женщин к участию в мусульманских съездах, к посещению мечетей (на Урале – в 1925 г., на 2-3 года раньше, чем в некоторых других регионах страны) не только свидетельствовал о готовности священнослужителей к определенному компромиссу, но и говорил о признании латентной социальной активности мусульманок, открытости их новому. Внимание к женщинам нерусских национальностей иногда вызывало ревность со стороны русских делегаток.

Жизненные циклы верующих женщин определялись содержанием священных писаний, ходом богослужений, в которых совершение таинств, сопряженное с выходом в свет, посещение святых могил (старообрядки особенно поклонялись матушке Платониде), источников были значительными событиями частной жизни. Они оказались противопоставлены ритму женских и делегатских собраний, кругу новых обрядов («красные крестины», «красные свадьбы», «красные похороны», «красные вечерки» и др.) и новых праздников (как общих, например, День 8 Марта, так и особенных – День освобождения Урала от Колчака). Это также определило смещение баланса в культурных практиках от традиционного к новому, формированию как приметы времени обрядовой двойственности.

В **пятой главе «Женские заботы в семье и домоводстве»** прослежены постепенные изменения в культурных практиках, определявших бытовое и репродуктивное поведение женщин, новые отношения в семье, роль женщин в домашнем хозяйстве, обусловленные проводимыми экономическими и социальными мерами.

В *первом параграфе «Реализация женщинами Урала фертильной, материнской и супружеской функций»* показано, что развитие охраны материнства и младенчества лежало в основе пересмотра традиционных норм поведения беременных, родильниц, рожениц, ухода за детьми грудного возраста, дана характеристика основным видам деятельности, связанным с выполнением социальных ролей матери, супруги, хозяйки в семье.

При традиционном православном укладе женщины в последний период беременности и по истечении двух дней после родов, как правило, не освобождались от

тяжелых полевых работ. Смертность детей до года в семьях православных, особенно в летний период была очень высокой. В начале 1920-х гг. она составляла на Урале 26%, в летний период в деревне доходила до 50%. Льготы беременным, выдача им усиленных пайков, пособий на предметы ухода и т.п. закладывали нормы бережного отношения к беременным. Все же наблюдались случаи нарушений: привлечение беременных к обязательным общественным работам (в 1921 г.), к работе в поле в колхозах и др.

Недоверие к родам под медицинским контролем, которые к началу 1920-х гг. представляли собой положительные исключения, по мере развития сети медицинских учреждений (родильных коек, изб, отделений, домов; женских и детских консультаций; Домов матери и ребенка и т.п.) постепенно преодолевалось. В 1928 г. в Уральской области работало 85 женских консультаций и 132 консультации для женщин и детей, 11 Домов матери и ребенка (на 535 мест) и 5 Домов ребенка. В Златоустовском, Ирбитском и Тобольском округах действовали лишь смешанные консультации для женщин и детей; Дома ребенка отсутствовали в Верхне-Камском, Ишимском и Троицком округах. Термин «гинекологический», на протяжении всей первой половины 1920-х гг. воспринимавшийся женщинами «из низов» как абстрактное «генологическое», «гололог ическое», «гелологическое» и т.п., постепенно в сознании женщин стал наполняться истинным содержанием. Делегатка Пермского округа Конгурова на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок в Москве в 1927 г. даже выступила с инициативой создания, подобно ячейкам Осоавиахима, массовых краткосрочных курсов по подготовке женщин к оказанию помощи при родах.

Диагностика и лечение гинекологических больных, родовспоможение, применение кесарева сечения, со второй половины 1920-х гг. гипноза (для обезболивания родов) способствовали понижению материнской смертности и смертности новорожденных. Массовое внедрение «королевских родов» по инициативе свердловского профессора А.Ю. Лурье осуществляли работавшие с ним директор Свердловского акушерско-гинекологического института Г.С. Айзмкович и заведующая гинекологохирургической клиникой САГИ Э.А. Бунимович, представленные в 1936 г. соответственно к ордену Ленина и к ордену Знак Почета. Метод применения эвипан-натрия при обезболивании родов первой в СССР разработала в Свердловске в 1934 г. молодая гинеколог А.А. Иконникова.

Большинство родов все же продолжали оставаться домашними. Отдаленность территорий, суровые климатические условия затрудняли оказание профессиональной гинекологической помощи, особенно родильницам-«националкам» в северных районах края. Тяжелым было положение беременных странниц и рожениц-странниц. Хотя за спецпереселенками сохранялся дородовой и послеродовой отпуск, но отсутствие нормальных условий приводило к частым выкидышам, мертворождениям, высокой младенческой и детской смертности на этапах (при отправлении в спецссылку беременных на поздних сроках и родильниц) и в спецпоселениях.

Убеждение в том, что мать в деревне работает дома и, следовательно, может сама смотреть за ребенком, продолжало оставаться широко распространенным заблуждением. В первой половине 1920-х гг. польза яслей (в деревне – летних), детских площадок и т.п. уже в основном была осознана, но отказы отдавать в них детей наблюдались вплоть до 1929 г. Они были связаны со страхом «отлучения детей от

Бога», снятия нательных крестов и т.п. Маркером нового культурного кода стали абортные комиссии, создаваемыми с 1920 г., решавшие вопросы о производстве аборта; «уголки ребенка»; новые имена при имянаречении (Октябрина, Декрета, Тракторина и т.п.), новые приемы по уходу за новорожденными. Грудное вскармливание было провозглашено циркуляром Наркомздрава №497 от 23 декабря 1921 г. «прямым исполнением долга перед государством». В «Уральском рабочем» в первой половине 1920-х гг. профессором Н. Коганом велась специальная рубрика «Уход за грудным ребенком». В ней развенчивались невежественные представления о необходимости протирать рот ребенка пальцем, обернутым тряпочкой (имевшие распространения даже среди акушерок), о «болезни к зубкам», о пользе лечения грудничков в печи «запеканием» и т.п. Пропагандировались проветривания, прогулки, правильное питание. Уральские врачи активно боролись с влиянием «опытных матерей». Такие матери, родивших по 10 и более детей, невзирая на то, что новорожденных у них выживало зачастую всего трое, активно противились обучению.

Материнские заботы помимо обеспечения обычных нужд и включения детей в работы в домохозяйстве содержали необходимость выбора в связи с новыми реалиями: снимать ли иконы; отпускать ли сына, а тем более дочь в школу; как объяснить, что часть мужских забот в связи с обучением мальчиков стала возлагаться на девочек; как относиться к пионерскому движению и т.п. С появлением автомашин, тракторов и др. возникли новые формы детского травматизма.

Тонкие материи супружеской жизни были представлены самым широким спектром отношений. Сложнее всего молодой супруге приходилось в расширенных семьях. Прецеденты получения стахановками зарплаты, иногда до пяти раз превышающей заработок мужа, могли приводить к внутрисемейным конфликтам.

Во *втором параграфе «Основные виды деятельности женщин в ведении домашнего хозяйства»* показана реализация женщинами традиционной базовой функции женской гендерной роли в сфере домоводства – содержания жилища и организации жизни в нем.

Ведущим бытообразующим элементом, в формате которого концентрировался центр женского домашнего мира, выступало жилье. Уклад повседневной жизни женщин, ранее контролировавшийся обычаем и церковью, в связи с идеями «нового быта» стал сферой внимания государства. Самым трудоемким в обычных условиях было приготовление пищи, на которое (вкупе с заготовкой воды) домохозяйки в семьях рабочих и служащих, по данным по Приуралью, в начале 1920-х гг. тратили до 5 час. в день. Мужчины почти никогда не подключались к этим видам деятельности. Много времени занимало выпекание хлебов. Во времена голода, составившие в совокупности почти треть исследуемого периода, возникала необходимость поиска и обработки суррогатов. «Столовничество», предполагавшееся программой отказа от старого быта, было распространено больше среди мужчин.

В круг повседневных женских забот входили уборки жилища, включавшие побелку печей и оштукатуренных стен, потолков перед праздниками. Хозяйки-«обиходницы» некрашеные полы тёрли березовыми вениками; таким же образом обычно перед праздником мыли некрашеные стены, потолок, оконные рамы. Пермяки по традиции убирались в своих избах обычно один раз в год. Глажение, чистка, штопка и пошив одежды были женскими делами. Как в основном чистка и по-

чинка обуви. Были женщины, которые за ночь могли стачать добротные хромовые сапоги. Стирка («платьемойка»), зачастую в открытых водоемах, была исключительно женским делом. Мужчины лишь перевозили груды мокрого белья на телегах. Для стирки белья и забора воды городские власти зимой прорубали общественные проруби (для рабочих и служащих бесплатные, для остальных категорий – платные). Из-за нехватки мыла стирали зольной водой, ее же использовали для мытья и в качестве чистящего средства. Для организации быта широко использовался труд домашних работниц.

Важной функцией женщин в семье было лечение болезней, при котором часто обращались к знахаркам или полагались на чудодейственную силу народных средств, икон, заговоров, священных предметов, жертвенных животных.

Многие учительницы, докторши жили в крестьянских семьях, часто имея, вплоть до середины 1920-х гг., лишь койку или «угол». В отдельных домах или квартирах вели хозяйство жены самых давних жителей уральских заводов. Ситуация с частным жильем немного стабилизировалась с 1923 г., с этого времени стало прекращаться выселение из квартир. Женщины активно представляли интересы бывших домовладельцев в борьбе за возвращение муниципализированного жилья, которая обострилась к середине 1920-х гг.

Новосёлы домов-коммун в Свердловске, Челябинске, Перми и др. городах Урала стали участниками грандиозного социального эксперимента. Отсутствие кухонь при планировке, душевые в расчете 1 душ на 33 чел. со скоростью помывки в 10 мин., небольшие 12-18-метровые комнаты на семью, огромные – до 80 метров дневные комнаты общего проживания – все эти новые идеи общего быта столкнулась с потребностью супружеских пар в уединении, что показало неудобства в организации быта и утопичность идеи бытовой коммуны, основанной на добровольном самообслуживании ее членов. Задача организации артелей для чистки белья и квартир не была реализована. Быт женщин в семьях новой советской элиты в крупных жилых комплексах «городков ОГПУ», Домах Советов, Домах старых большевиков и т.п. с квартирами площадью преимущественно от 80 кв. м до 180 кв. м также протекал при отсутствии кухонь, кладовых для продуктов и т.п.

Казарменный образ жизни был тем форматом быта, который обустраивали женщины, жившие в бараках – типичных жилых помещениях временного типа, широко распространенных на новостройках, лесозаготовках, в совхозах. Типичной чертой коллективного быта в бараках стали субботники по их очистке. Переходным от казарменного типа быта к домашнему было общежитие. Женщины проживали в общежитиях для семейных, общежитиях смешанного типа и в специальных женских общежитиях разного вида. В общежитиях развернулось движение за образцовый быт. Многие женщины жили в землянках, времянках, саманных постройках, мазанках из земли и дерна, переоборудованных вагонах и т.п. Свои особенности имела работа женщин при налаживании быта при кочевом образе жизни

В **шестой главе «Участие женщин в культуротворческом процессе»** охарактеризованы достижения женщин в науке и художественном творчестве; показано, что возможности их самовыражения в этих областях создавали планы глобальной перестройки культуры и искусства в ходе культурной революции.

В *первом параграфе «Женщины в искусстве и литературе»* выявлены основные направления самореализации женщин Урала в литературе, театральном и музыкальном творчестве, живописи и скульптуре; показан их вклад в развитие художественной культуры.

Плеяда замечательных актрис играла в стационарных драматических, оперных, музыкальной комедии, кукольных и др. театрах (С. Прусская, С.Г. Гиззатуллина-Волжская, Е.А. Шляхтина-Сыртланова, М.В. Баратова, М.Н. Мусина, С. Вадова и др.) и приезжала на гастроли. Много гастролировала в исследуемый период в Свердловске, Сарапуле, Ижевске, Шадринске, Ирбите, Челябинске, Троицке, Надеждинске, Новой Ляле, Тюмени Е.К. Амман-Дальская. В первой половине 1930-х гг. в Свердловск на гастроли приезжали солистки Большого театра В. Брасова, А.А. Соловьева, заслуженная артистка РСФСР В.В. Кригер. С 1925 по 1929 г. по Уралу гастролировала А. Кропивницкая, грампластинки которой записывались еще до 1917 г. Ценители отмечали также творчество Ф.Х. Камаловой в Оренбурге, Б.А. Юсуповой в Орске, Т. Рашитовой, З. Бикбулатовой, Х.Г. Тагировой (Ханской) в Уфе и др. В статусе примы-балерины в Свердловском оперном театре танцевали в разные годы А.Г. Богданова-Давыдова, М.А. Стекль, Е.Г. Кароссе, В.И. Вильтзак, Вронская и др. В 1935 г. в этом театре работали заслуженные артистки республики Д.С. Спришевская и Киселевская.

В 1921 г. Н.Ф. Скарской, одной из немногих российских женщин-антрепренеров, были организованы гастроли Петроградской передвижной труппы в Оренбурге. В начале 1920-х гг. З.И. Попова-Барвинок совместно с Д.А. Малицким восстанавливала театр в Кургане. Н.А. Гарянова вошла в число основателей в 1930 г. Челябинского областного детского кукольного театра. С 1931 г. по 1935 г. в Свердловске работала первая в стране женщина-режиссер С.Д. Масловская. В 1932 г. в числе организаторов магнитогорского Молодежного театра была З. Левицкая. В Свердловском оперном театре 1933 г. ставила балеты известный балетмейстер О.Н. Князева. Многие женщины выступали режиссерами-любителями при постановке спектаклей в театральных кружках и студиях; участвовали в различных театрализованных зрелищах: массовых постановках боевых эпизодов Гражданской войны, массовых инсценировках на манифестациях и т.п.

Получили известность писательницы Л. Сейфуллина («Правонарушители», «Виринея»), Л.А. Будогская («Повесть о рыжей девчонке»), К.В. Рождественская («На реке Лене»), О.И. Маркова («Варвара Потехина»), Х. Давлетшина («Пионерка Хэмукай»), З. Биишева, Е.Е. Котвицкая, Е.Ф. Трутнева; поэтессы Е.В. Андронникова, Ашальчи Оки. Членом литературного объединения «Мартен» в Златоусте стала поэтесса и прозаик М.Г. Ершова, участницами литературной бригады «Буксир» в Магнитогорске были Л. Татьяничева, М. Радиева, И. Гринберг. Стремление женщин к литературному творчеству отразилось в публикациях «рабкорок».

В меньшей степени женщины были представлены в изобразительном искусстве. Это художницы Т.А. Партина в Свердловске; А.И. Самойловских в Кунгуре; В.Н. Челинцова в Челябинске; О.П. Перовская в Троицке; С. Рянгина в Оренбурге; М.Н. Елгаштина в Уфе; Е. Субботина, М.Б. Вериго – в Перми; скульпторы Е.В. Ваулина, Э.И. Шорина в Свердловске; В.Г. Морозова, Т.В. Щелкан-Руденко в Челябин-

ске; С.В. Кузнецова (фронтон здания Центральной заводской лаборатории Магнитогорского металлургического комбината) в Магнитогорске.

Во *втором параграфе «Интеграция женщин в научное сообщество»* показано как в процессе создания на Урале высших учебных заведений, становления академической, вузовской и отраслевой науки проходило включение женщин в сферу научной деятельности.

В числе крупных исследователей, известных еще до 1917 г., были В.И. Глебова – организатор радиевого завода на Урале в 1921 г.; археолог В.В. Гольмстен, обследовавшая несколько сот курганов в Оренбуржье; минералог Е.Д. Ревуцкая, работавшая в Ильменских горах еще с 1911 г.; бактериолог Е.И. Карнаухова из Пермского университета; педиатр Е.С. Кливанская-Кроль, которая в начале 1930-х гг. заложила основы изучения легочных заболеваний на Урале.

В круг женщин-ученых «второго поколения» вошли основательница пермской школы гидробиологии, первая женщина профессор в Пермском университете А.И. Таусон; доктор биологических наук Е.В. Лермонтова, которая обнаружила в окрестностях Златоуста, Кыштыма, Сатки, Усть-Катава и Сима несколько форм ископаемых животных кембрийского периода, изучала трилобиты Южного Урала и создала первую схему кембрия Сибири; геолог В.А. Варсанофьева возглавившая работы по съемке 124 листа Общей десятиверстной геологической карты СССР (в бассейнах Верхней Печоры, Верхней Сосьвы и Верхней Лозьвы); геолог О.М. Шубникова и др.

К «третьему поколению» относятся гидробиолог, кандидат биологических наук, заведующая кафедрой зоологии в Пермском университете Н.Я. Опарина, геоботаник Н.Л. Тюлина, минералог Е.С. Коптева-Дворникова, заложившая в Ильменском заповеднике две новые амазонитовые копи («копи Коптевой-Дворниковой») и др.

Среди составивших «четвертую волну» – геологи Е.И. Каминская, Е.И. Тихвинская; геоботаник К.И. Игошина, изучавшая флору высокогорий Урала; археолог А.В. Збруева, занимавшаяся с 1931 г. ананьинской культурой в Башкирии. А.К. Шарова, Н.В. Зверева, О.И. Пудовкина и др. внесли свой вклад в решение бокситовой проблемы. На Урале работали женщины-ботаники, почвоведы, экономисты, агрономы, химики. Так, выводы Л.И. Поповой по проблемам получения серной кислоты из высококонцентрированного сернистого газа стали основанием для временного прекращения работ в этом направлении из-за нерентабельности процесса. Наряду с крупными учеными многие научные сотрудники, инженеры, техники, лаборанты обеспечивали процесс получения, накопления и переработки научного знания.

Со временем сложилась практика выступления женщин с научными докладами. 42 женщины-врача из Перми, Свердловска, Тюмени, Шадринска, Тобольска, Кыштыма, Нижнего Тагила, Ирбита, Камышлова, Кизела, Оренбурга, Ишима, Уфы и др. мест приняли участие в I съезде хирургов, гинекологов, офтальмологов, оториноларингологов и рентгенологов Уральской области в 1927 г. Женщины выступали с докладами на I Уральском научно-исследовательском съезде в 1931 г., на I-й областной конференции заводских лабораторий цветной и золотоплатиновой промышленности в 1933 г., на конференции молодых ученых втузов и научно-исследовательских институтов тяжелой промышленности Свердловска в 1934 г. и др.

В *третьем параграфе «Женщины Урала в физкультурном движении и “красном спорте”»* освещено привлечение женщин к физкультуре и спорту через физкуль-

турные центры, кружки, ячейки, физкультперерывы, спортивные площадки и секции, эстафеты, физкультурные праздники и парады, сдачу норм ГТО и проч.; представлены достижения, показанные ими на чемпионатах, спартакиадах, в первенствах, розыгрышах, товарищеских и межрайонных встречах.

В первую очередь начала развиваться женская легкая атлетика, затем – равнинные лыжи и с начала 1930-х гг. – женский волейбол, баскетбол, конькобежный спорт. Устраивались женские соревнования по водным видам спорта, женские гонки в массовых велосипедных пробегах, массовые женские легкоатлетические забеги, массовые городские лыжные пробеги с участием женщин. Развивался стрелковый спорт, парашютизм (первой парашютисткой Урале стала К. Кузнецова в 1935 г.).

Знаменитыми уральскими спортсменками стали Е. Чухарева – первая в Екатеринбурге рекордсменка страны (в толкании ядра на 5,66 м на I олимпиаде Приуральского военного округа в 1920 г.); Е. Бланкфельд – рекордсменка страны по прыжкам в высоту (141 см по результатам II Челябинской губернской Олимпиады 1921 г.); В. Журавлева из Екатеринбурга и М. Астахова (чемпионки первенства страны 1922 г. по легкой атлетике); Н.В. Жебрун (которая заняла 2 место по метанию диска на Поволжской олимпиаде в Казани в 1923 г.). Рекордсменками страны были также В. Велюжанина и М. Голдобина из Перми. С выдающимся по тому времени результатом в 24 мин 42 сек. первой среди женщин в гонке на 5 км стала в 1927 г. на первенстве Урала по лыжному спорту Т. Махнева. Е. Китина и А. Пологова участвовали в составе сборной Урала в Первой Спартакиаде СССР в 1928 г. На Урало-Кузбасской спартакиаде 1932 г. женские волейбольная и баскетбольная команды Урала заняли вторые места, Башкирии – соответственно 3-е и 4-е. В бросании гранаты среди женщин победу завоевала Михайлова (из Башкирии), на 2 месте была Абрамова (от Урала). 5 место на Первом Всесоюзном горнолыжном празднике в Свердловске в 1934 г. заняла Т. Родионова, входившая в круг основоположников слалома на Урале. Призеры женского чемпионата СССР 1935 г. Т. Махнева и Люшнина участвовали во Всесоюзном слете лыжников-мастеров в 1935 г. в Петрозаводске. Совершались короткие и дальние женские лыжные переходы (со 2 января по 22 февраля 1935 г. – Тюмень-Москва; в марте 1935 г. – из сел Коми Автономной Области в Сыктывкар). Известной конькобежкой была Зинаида Сурина (она стала тренером женской хоккейной команды ЧИМЭСХ). У истоков уральского альпинизма вместе с Б.Н. Рорбергом стояла «первая альпинистка Свердловска» М.А. Рорберг, совершавшая несколько восхождений на Эльбрус и Белуху.

В 1927 г. в рамках III Уральского областного шахматного турнира состоялся женский турнир. Игра свердловчанки А. Дайбо-Вахониной, первой уральской шахматистки, вышедшей на республиканскую и всесоюзную шахматные арены, на VII всесоюзном шахматно-шашечном турнире в 1931 г. была отмечена как солидная и продуманная.

Особенностями времени были «универсалки» (в их числе – К. Емельянова, отличная лыжница, баскетболистка и легкоатлетка: спринт, метания, многоборье) и смешанные женско-мужские команды. Постепенно входила в быт спортивная форма.

В **заключении** подведены основные итоги исследования.

К концу 1920-х гг. сформировалась советская гендерная композиция. Принцип юридического равноправия мужчины и женщины; правовая защита статуса бере-

менных, льготирование положения рожениц, родильниц и кормящих матерей; активное привлечение женщин в сферу государственного управления, в общественную работу, в производство привели к структурным изменениям женской гендерной роли, модификациям самоидентичности, закреплявшимся в первую очередь в молодежной среде. Трансформация первой модели гендерной композиции во вторую к середине 1930-х гг. происходила в направлении сокращения массового женского движения, универсализации женских культурных практик, постепенной ломки традиционных механизмов конструирования женской идентичности и вытеснению их новыми. Основные модели женского успеха были связаны с опытом участия в большевистском движении, преданностью идеям советской власти, наличием организаторских качеств, уровнем образования, личными творческими способностями.

Общие изменения в социальной структуре женского социума шли в нескольких направлениях. Росла численность работниц и женщин-служащих, доля новых слоев (колхозницы, коммунарки, совхозницы, студентки и др.); насельницы женских монастырей и казачки маргинализировались; исчезли толстовки.

Изучение репрессий среди женщин выявило общую для страны тенденцию всплеска государственного террора в 1932 г. – первой половине 1933 г., некоторого его ослабления во второй половине 1933 г. – 1934 г. и усиление в 1935 г. Основными категориями репрессированных женщин были ссыльные из среды «бывших», эсеров, анархистов и т.п., и с конца 1920-х гг. – спецпоселенки.

Статус правящей партии определил политический вес немногочисленных по количеству сторонниц большевизма. Устойчивостью политических взглядов характеризовалось мировоззрение «старых большевичек», ряда «новых партиек», части комсомолок, а также эсерок. Наименее политизированным было мировоззрение казачек, толстовок, меннонитоk. Женский социум Урала характеризовался широким спектром религиозных направлений, верований, отражавшим как этническую структуру населения края, так и историю развития конфессий в России. Конфессиональные статусы и механизмы поведения женщин во многом определялись национальной принадлежностью. Изменения в религиозных настроениях женщин отражали общую тенденцию к сохранению и расширению религиозности. Попытки конфессий интегрироваться в изменившуюся реальность вызвали повышение статуса женщин во внутрицерковной жизни. Активизация государственной антирелигиозной политики с конца 1920-х гг. и репрессии против различных слоев населения привели к сокращению внешней обрядовости в механизмах поведения и уходу веры в Бога внутрь.

Деятельность женщин в семье как участниц домохозяйства и ведущих субъектов домашнего хозяйства была направлена на обеспечение условий поддержания жизнедеятельности, воспроизводство, первичную социализацию детей, организацию отдыха, семейных предприятий. При заключении традиционных браков в первую очередь оценивалось, сможет ли женщина вести хозяйство (обшивать, вязать, стряпать, ухаживать за детьми, домом, делать все во дворохозяйстве). Политика вторгалась в систему повседневности. Существенным фактором воздействия выступала финансируемая государством агитационно-пропагандистская деятельность, проводимая в том числе с использованием административных рычагов давления отделами по работе среди женщин. Сохранялось значительное влияние религиозных регуля-

торов на поведение женщин. Вплоть до середины 1930-х гг. наблюдалось столкновение тенденций ликвидации старых семейно-бытовых условий и сохранения незыблемости устоев закрытого индивидуального семейного существования. Возникли новые социальные контрасты. Быт значительной части женского социума носил казарменный или полуказарменный характер, ссыльнопереселенки оказались вне сферы услуг коммунального быта.

Областью, в которой особенно ярко и полно воплощались женщин творческие таланты женщин, стали театральное искусство и литература. Нередко женщины играли инициативную роль в развитии художественного творчества в крае. В течение всего исследуемого периода происходила интеграция женщин в научное сообщество. Число женщин-крупных ученых, работавших на Урале, было невелико. Однако, быстрое создание сети научно-исследовательских институтов обусловило приток женщин на низший и средний уровни самых различных областей научного сообщества. Если включение женщин в науку в центральных районах страны осуществлялось через медицину и близкую к медицине химию, а также математику, юриспруденцию, историю, то на Урале активная интеграция женщин в научное сообщество происходила через геологию, минералогию, палеонтологию, химию, биологию и медицину.

В ответ на позиционирование физкультуры и спорта как элементов «нового быта», средств формирования нового «коллективного человека» и вида классовой борьбы формировались кадры уральских спортсменок. В 1920-е гг. уральским спортсменам принадлежал ряд ведущих позиций в развитии женской легкой атлетики.

Таким образом, если раньше типичная деятельность порождала статус, на основе которого складывались представления о женщине, то резкое поднятие статуса при поддержке его с 1920-х гг. ресурсами государственной власти изменяло представление о женщинах. Пронаталистические ценности не заняли ведущее место в системе стратегических ориентиров. На основе изменения содержания и расширения границ гендерных отношений, норм, ролей в социокультурной жизни края стал укрепляться феминный фактор

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Мирошниченко, М.И. Насельницы уральских монастырей в первой трети XX века [Текст] / М. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 8 (184). – 2010. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Вып. 14. – С. 15-19 (0,4 п.л.).

2. Мирошниченко, М.И. Роженицы Урала в начальный период формирования сети родовспомогательных учреждений [Текст] / М. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 28 (204). – Вып. 15. – С. 39-43 (0,4 п.л.).

3. Мирошниченко, М.И. Женская проституция на Урале в 1920-1935 гг. и борьба с ней: обзор литературы 1920-х – начала 1930-х гг. [Текст] / М. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 122-125 (0,4 п.л.).

4. Мирошниченко, М.И. Отечественная историография конца 1970-х – 2010-х гг. о втором этапе борьбы с проституцией в СССР [Текст] / М. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8): в 3-х ч. – Ч. II.– С. 131-135 (0,4 п.л.).

5. Мирошниченко, М.И. «Злостные лица» женского пола: борьба с проституцией в свете представлений революционного самосознания в 1920-1922 гг. (По материалам Урала) [Текст] / М. Мирошниченко // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 1. С. 55-66 (1,45 п.л.).

6. Мирошниченко, М.И. Женщины в науке Урала в 1920-е гг. [Текст] / М. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 9 (226). – Вып. 16. – С. 34-37 (0,4 п.л.).

7. Мирошниченко, М.И. Монахини, послушницы, белицы уральских монастырей: от 1910-х – к середине 1930-х годов [Текст] / М. Мирошниченко // European Social Science Journal. – 2012. – № 3(19). – С. 372-379 (0,5 п.л.).

8. Мирошниченко М.И. Женщины в физкультуре и спорте на Урале в первой половине 1920-х гг. [Текст] / М. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 19. – №32(291). – С. 36-40 (0,4 п.л.).

9. Мирошниченко, М.И. Создание советов по борьбе с проституцией в начале 1920-х годов: женская и мужская позиции в директивах Центра и практике мест (по материалам Урала) [Текст] / М. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 41-45 (0,4 п.л.).

10. Мирошниченко, М.И. Пути преодоления гендерной асимметрии в местных судебных органах на Урале в 1920 – середине 1930-х гг. [Текст] / М. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 40-43 (0,4 п.л.).

11. Мирошниченко, М.И. «Старому быту гроб, даешь физкультуру и спорт!»: физкультурницы и спортсменки Урала во второй половине 1920-х гг. [Текст] / М. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1 (39). – Ч. 1. – С. 150-154 (0,4 п.л.).

12. Мирошниченко М.И. Вовлечение женщин в зимние виды спорта в 1926-1929 гг. (на примере Уральского региона) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1 (39). – Ч. 2. – С. 137-139 (0,3 п.л.).

13. Мирошниченко, М.И. Уральские лыжницы в 1930-1935 годах [Текст] / М. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2. – Ч. 1. – С. 113-116 (0,4 п.л.).

14. Мирошниченко, М.И. Уральские спортсменки в Урало-Кузбасской спартакиаде 1932 г. [Текст] / М.И. Мирошниченко, К.Р. Телюк // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – Т. 3 (41). – Ч. 1. – С. 101-104 (0,4 п.л. / 0,3 п.л.).

15. Мирошниченко, М.И. Эсерки на Урале (1920-1935 гг.) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета – Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2014. – Т. 14. – №. 2. – С. 39-42 (0,4 п.л.).

16. Мирошниченко, М.И. Привлекательная маленькая женщина в папахе в куржуке: гендерные стереотипы и гендерная атипичность в образе А.М. Панкратовой [Текст] / М.И. Мирошниченко, М.Е. Дьяченко // Europen Social Science Jornal. – 2014. – № 8. – Т. 1(47). – С. 244-251 (0,8 п.л./ 0,4 п.л.).

17. Мирошниченко, М.И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 15. – №. 1. – С. 35-42 (1,2 п.л.).

18. Мирошниченко М.И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – Т. 16. – №. 1. – С. 21-26 (0,7 п.л.).

Монографии:

19. Мирошниченко, М.И. Женщины на Урале в 1920 – 1935 гг.: монография [Текст] / М.И. Мирошниченко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 270 с. (15,81 п.л.).

20. Мирошниченко, М.И. Гендерные аспекты теологических концепций [Текст] / М.И. Мирошниченко // Теология и науки о религии. Монография [колл.] / под общ. ред. М.А. Малышева и В.Е. Хвощева. – Россия-Мексика. – Челябинск: Издательский центр ЮурГУ; НОЦ «Комплексные проблемы общественных наук». – 2011. – С. 237-274 (39,06 п.л. / 1,9 п.л.).

Другие публикации:

21. Мирошниченко, М.И. Гендерные уроки истории как фактор преодоления социального кризиса в России [Электронный ресурс] / М.И. Мирошниченко // Россия: путь к социальному государству: Мат-лы Всерос. науч. конф. РАН. г. Москва, 6 июня 2008 г. // http://rusrand.ru/conf/prezent/docc (0,9 п.л.).

22. Мирошниченко, М.И. Актуальность исследования сущности гендерной роли женщины в рамках развития женского движения на Урале в 1920-е гг.: первый опыт обзора советской историографии [Текст] / М.И. Мирошниченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2008. – № 6 (106). – Вып. 10.– С. 16-24 (0,8 п.л.).

23. Мирошниченко, М.И. Женщины Урала в культуротворческом процессе в 1920-е – середине 1930-х гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1 (1). – С. 40-45 (0,9 п.л.).

24. Мирошниченко, М.И. Уральский период жизни А.М. Панкратовой – «белое пятно» в истории женского движения начала 1920-х гг.: годы на Урале [Текст] / М.И. Мирошниченко // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 6 (13): Исторические науки, философские науки, искусствоведение, культурология, политические науки, юридические науки и методика их преподавания: в 2-х ч. – Ч. II. – С. 127-130 (0,2 п.л.).

25. Мирошниченко, М.И. Гендерные дискурсы: формирование или деформация демократических стереотипов политического сознания? [Текст] / М.И. Мирошниченко // Дискурсология: Методология, теория, практика: II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Жана Бодрийяра. Докл. 4 декабря 2007 г. / Под общ. ред. В.Е. Хвощева. Т. III. – Екатеринбург; Челябинск: Издательский Дом «Дискурс–Пи», 2008. – С. 119-132 (0,6 п.л.).

26. Мирошниченко, М.И. Общие женские собрания начала 1920-х годов как социальный ритуал: рациональное и иррациональное [Текст] / М.И. Мирошниченко // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Мат-лы Всерос. науч. конф. 21-22 октября 2008 г. – Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та, 2008. – С. 213-216 (0,25 п.л.).

27.Мирошниченко, М.И. Женщина – мать или работница: изменчивость современного общества и устойчивость гендерных стереотип-мифов [Текст] / М.И. Мирошниченко // Современное общество: Вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Мат-лы IX Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга, г. Пермь, ноябрь 2008 г. – Т. II. – Пермь: ПГТУ, 2008. – С. 73-75 (0,1 п.л.).

28. Мирошниченко, М.И. О влиянии природного процесса на достижения исторической критики: гендерные предвидения В.И. Вернадского [Текст] / М.И. Мирошниченко // Наука и устойчивое развитие общества. Наследие В.И. Вернадского. Сб. мат-лов 3-й Междунар. науч.-практ. конф. 25-26 сентября 2008 / Отв. ред. О.В. Воронкова. – Тамбов: Изд-во ТАМБОВПРИНТ, 2008. – С. 400-401 (0,1 п.л.).

29. Мирошниченко, М.И. Территориальное распределение женщин-личной прислуги в Курганском и Шадринском округах в середине 1920-х годов [Текст] / М.И. Мирошниченко // VI Всерос. науч.-практ. конф. «Зыряновские чтения» 11-12 декабря 2008 г. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2008. – С. 98 (0,1 п.л.).

30. Мирошниченко М.И. «Туберкулезный трехдневник» как срез гендерного сознания советского общества первой половины 1920-х годов [Текст] // Наука ЮУрГУ. Мат-лы 60-й юбилейной науч. конф. Секции естественно-научных и гуманитарных наук. – Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2008. – Т. 1. – С. 107-111 (0,1 п.л.).

31. Мирошниченко, М.И. Взгляд на новую женщину: к вопросу о гендерном дисплее в 1920-е годы (по материалам Урала) [Текст] / М.И. Мирошниченко // От «женского вопроса» к гендерным исследованиям (140 лет работы Джона Милля «О подчинении женщины»: мат-лы науч.-практ. конф. с междунар. участием (15 мая 2009 г.) / под общ. ред. Л.Д. Ерохиной, С.В. Коваленко. – Владивосток: Изд-во ТГОУ, 2009. – С. 54-66 (0,6 п.л.).

32. Мирошниченко, М.И. Мужское и женское: некоторые аспекты мусульманской традиционности на Урале в первой трети XX века [Текст] / М.И. Мирошниченко // Традиционные общества: неизвестное прошлое: мат-лы V Междунар. науч.-

практ. конф., 21-22 апреля 2009 г. / Гл. ред. П.Б. Уваров. – Челябинск: ЧГПУ, 2009. – С. 164-171 (0,47 п.л.).

33. Мирошниченко, М.И. Проблемы выбора пределов свободы в структуре предписаний/ожиданий традиционной гендерной роли российской женщины и публичной сфере (в первой половине XX в.) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Гендерные исследования в гуманитарных науках: Мат-лы VI науч.-практ. Интернет-конф. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. – С. 223-227 (0,56 п.л.).

34. Мирошниченко, М.И. Вовлеченность молодых женщин в политику и проблемы гендерной идентичности (дискурс и практика 1920-х годов) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Дискурсология: Методология, теория, практика: докл. III междунар. науч. практ. конф., посвящ. 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы. 2 октября – 19 декабря 2008 г. Екатеринбург; Россия-Мексика. – Т. II / Под общ. ред. О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева. – Екатеринбург; Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи»; Изд-во ЮурГУ, 2009. – С. 144-165 (1,08 п.л.).

35. Мирошниченко, М.И. Гендерный подход: проблемы когнитивного выбора [Текст] / М.И. Мирошниченко // Философия и методология истории: сб. науч. ст. III Всерос. науч. конф., Коломна, 24-25 апреля 2009 г. / Отв. ред. С.Г. Калашников. – Коломна: КГПИ, 2009. – С. 71-73 (0,2 п.л.).

36. Мирошниченко, М.И. Помощь солдаткам и семьям красноармеек в начале 1930-х годов: мужской и женский взгляд на проблему [Текст] / М.И. Мирошниченко // Наука ЮурГУ: Мат-лы 61-й науч. конф. Секции естественно-научных и гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2009. – С. 188-192 (0,47 п.л.).

37.Мирошниченко, М.И. Внедрение элементов мобилизационной готовности к войне через женские социальные сети на Южном Урале [Текст] / М.И. Мирошниченко // Архивное дело в Челябинской области: информационный вестник. Т. II (XV): Третьи историко-архивные Чтения памяти Н.М. Чернавского «Вклад Южного Урала в победу над фашизмом», посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне / Гл. ред. А.П. Финадеев. – Челябинск: ЧГПУ, 2009. – С. 69-75 (0,4 п.л.).

38. Мирошниченко, М.И. Гендерный анализ сценариев традиционных уральских посиделок 1920-х гг. (по материалам А.И. Лазарева) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат-лы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию д.и.н., проф. А.В. Бакунина. Екатеринбург, 8-9 октября 2009 г. – Т. II. – Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009. – С. 340-344 (0,3 п.л.).

39. Мирошниченко, М.И. Возможности заработка у женщин Южного Урала в медицинской сфере в условиях нестабильности первого пятилетия после гражданской войны: цифры и люди [Текст] / М.И. Мирошниченко // Социально-экономическое развитие России в посткризисный период: национальные, региональные и корпоративные аспекты. Мат-лы XXVI междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. 24 марта – 2 апреля 2010 г., г. Челябинск. – Ч. II. – Челябинск: УрСЭИ, 2010.– С. 365-369 (0,25 п.л.).

40. Мирошниченко, М.И. Гендерный подход к истории: сущность и понятийный аппарата [Текст] / М.И. Мирошниченко // Методология и методика форми-

рования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов / Под ред. О.Р. Шеффер: мат-лы XVII Междунар. науч.-практ. конф., 17-18 мая 2010 г., г. Челябинск. – Челябинск: Изд-во НИУМЦ «Образование», 2010. – Ч. 2. – С. 51-56 (0,3 п.л.).

41.Мирошниченко, М.И. Реконструкция элементов советской гендерной композиции по материалам женского движения в Саткинской волости в 1920-1921 гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Человек и исторический процесс: институты, культура, повседневность. Мат-лы науч. конф. 25 февраля 2010 г.: 10-летию кафедры посвящается / Под ред. В.С. Балакина. – Челябинск: Цицеро, 2010. – С. 48-56 (0,2 п.л.).

42. Мирошниченко, М.И. Представительницы театральной и музыкальной интеллигенции Урала 1920-х – первой половины 1930-х гг. в региональных энциклопедических изданиях [Текст] / М.И. Мирошниченко // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. –2010. – № 4. – С. 22-31 (0,8 п.л.).

43. Мирошниченко, М.И. Защита интересов женщин-домашней прислуги на Урале в середине 1920-х гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Наука ЮурГУ: Мат-лы 62-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2010. – Т. I. – С. 67-70 (0,1 п.л.).

44. Мирошниченко, М.И. Женщина, повелевающая властвующими мужчинами [Текст] / М.И. Мирошниченко // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Л.Н. Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления. 19-20 ноября 2010 г. Россия-Мексика / Под общ. ред. М.А. Малышева и В.Е. Хвощева. – Челябинск: Издательский центр ЮурГУ; НОЦ «КПОН», 2011. – С. 364-470 (0,9 п.л.).

45. Мирошниченко, М.И. Доля женщин в демографической структуре городского населения Урала в 1920 г. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: XII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Усть-Каменогорск): сб. науч. трудов. – Усть-Каменогорск: Изд-во «ЛИБРУС», 2011. – С. 362-369 (0,5 п.л.).

46. Мирошниченко, М.И. Численность женского населения в заводах Урала в 1923 г. (по материалам Всероссийской городской переписи) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII-XX вв.): сб. науч. тр. / под ред. Г.Е. Корнилова, Е.Ю. Баранова. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН; Изд-во АМБ, 2011. – С. 45-51 (0,4 п.л.).

47. Мирошниченко, М.И. Урал: казачка и новый мир (начало 1920-х гг.) [Текст] / М.И. Мирошниченко // II Сиротенковские чтения: сб. мат-лов междунар. науч. конф. – Армавир: РИО АГПА, 2011. – С. 206-215 (0,5 п.л.).

48. Мирошниченко, М.И. Личное и частное в жизни девиц-казачек на Урале в середине 1920-х гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Частное и общественное: Гендерный аспект: Мат-лы IV междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 г., г. Ярославль. – Т. 1. – М.: ИЭА РАН, 2011. –С. 356-359 (0,2 п.л.).

49. Мирошниченко, М.И. Сравнительный анализ диахронности политических репрессий среди женщин Урала в 1920-1935 гг. (по материалам «Книг памяти…») [Текст] / М.И. Мирошниченко // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат-лы X юбилейной всерос. науч. конф., Екатеринбург, 27-28 сентября 2011 г.: в 2-х т. – Т. 2. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. – С. 134-141 (0,3 п.л.).

50. Мирошниченко, М.И. Уральская историческая феминология раннего советского периода и гендерные исследования: значимость, уровень, задачи [Текст] / М.И. Мирошниченко // Гендерные исследования в гуманитарных науках, VII науч.-практ. Интернет-конф. с междунар. участием (2011, Йошкар-Ола) / Редкол.: Г.В. Рокина [и др.]. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2011. – С. 162-171 (0,37 п.л.).

51. Мирошниченко, М.И. Социальный портрет репрессированных женщин, 1928–1933 (на материалах Урала) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Наука ЮУрГУ: Мат-лы 65-й научн. конф. Секции социально-гуманитарных наук. – Т. 1. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – С. 55-58 (0,25 п.л.).

52. Мирошниченко, М.И. Репродуктивное поведение женщин Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Историческая демография. – 2012. – №1 (9). – С. 42-45 (0,4 п.л.).

53. Мирошниченко, М.И. Научные изыскания женщин в первой половине 1930-х годов и их роль в индустриальном развитии Урала [Текст] / М.И. Мирошниченко // Индустриальная Россия. Вчера. Сегодня. Завтра. Мат-лы Всерос. науч. конф., г. Екатеринбург, 3 декабря 2012 г. / Под ред. В.В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2012. – С. 346-351 (0,45 п.л.).

54. Мирошниченко, М.И. «Они» и «они»: социокультурные полюсы женского восприятия перемен в 1920-е – 1935 гг. (по материалам Урала) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Женщины и мужчины и в контексте исторических перемен. Мат-лы V Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭиА РАН, 4-7 октября 2012 г., Тверь. – Т. 2. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 363-366 (1,6 п.л.).

55. Мирошниченко, М.И. Своеобразие формирования первой советской гендерной модели в условиях политизации общественной жизни [Текст] / М.И. Мирошниченко // Политический вектор-PRO. – 2013. – №1. – С. 114-131 (1,4 п.л.).

56. Мирошниченко, М.И. Специфика образа «Другого» в объективном историческом пространстве 1920-х – начала 1930-х годов: сегменты онтологии и гносеологии философии истории [Текст] / М.И. Мирошниченко // Философия и методология истории: Сб. науч. ст. V Всерос. науч. конф. (Коломна, 26-27 апреля 2013 г.) – Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. – С. 408-413 (0,3 п.л.).

57. Мирошниченко, М.И. Женщины Урала в структуре правоохранительных органов в 1920–1935 гг.: приобретенный статус [Текст] / М.И. Мирошниченко // Российская история с позиций права, человеческих судеб и реальных перспектив: мат-лы науч-практ. педагогич. конф. Екатеринбург, Гуманитарный университет, 26 июня 2012 г. / под общ. ред. И.С. Огоновской. – Екатеринбург: АПП «Правовое образование – XXI век», 2013. – С. 39-46 (0,4 п.л.).

58. Мирошниченко, М.И. Горожанки Урала в 1920–1935 гг.: полюсы мировоззрений и образ жизни [Текст] / М.И. Мирошниченко // Секция 28. X конгресс этнологов России: тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. / Редкол. М.Ю. Мартынова и др. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 233 (0,05 п.л).

59. Мирошниченко, М.И. Место женщины в реализации идеи социалистического строительства в 1920-1936 гг. (по материалам Урала) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Национальная идея в современной России: взгляд из Свердловской об-

ласти / под ред. И.С. Огоновской, Н.А. Черных. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. – С. 74-82 (0,4 п.л.).

60. Мирошниченко, М.И. Потенциал гендерной составляющей славянской темы в школьном курсе истории [Текст] / М.И. Мирошниченко // Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодежи 23-24 ноября 2012 г. / Сост. Ю.С. Кирьяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 353-356 (0,2 п.л.).

61. Мирошниченко, М.И. Жилищные условия населения городов Урала в 1920-х – первой половине 1930-х гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Мат-лы XI Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 26-27 сентября 2013 г.: в 2-х т. – Т. 2. Актуальные проблемы современной науки: взгляды молодых исследователей. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. – С. 170-174 (0,5 п.л.).

62. Мирошниченко, М.И. Следы времени: новые источники по гендерной истории Южного Урала (1921–1934 гг.) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: мат-лы VI междунар. науч. конф. РАИЖИ 3-6 октября 2013 г. – Т. 2. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 278-280 (0,1 п.л.).

63. Мирошниченко, М.И. Воспоминания как источники по феминологии и гендерной истории Урала 1920-х – первой половины 1930-х гг. (по материалам южноуральских архивов) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Наука. Южно-Уральский государственный университет: Мат-лы 65-й науч. конф. ЮУрГУ. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – С. 182-185 (0,3 п.л.).

64. Мирошниченко, М.И. «Красные» учительницы, «интеллигентки», «толстовки» на Урале в 1920 – 1935 гг.: борьба менталитетов в учебной и методической работе [Текст] / М.И. Мирошниченко // I-II Кулагинские чтения. Сб. мат-лов науч.-практ. пед. конф. 17 апреля 2013 г., 17 апреля 2014 г. / Под общ. ред. И.С. Огоновской. – Екатеринбург: АПВИФ, 2014. – С. 167-172 (0,6 п.л.)

65. Мирошниченко М.И. Уход за грудным ребенком в структуре ценностей менталитета уральских женщин в 1920-е – первой половине 1930-х гг.: борьба обыденного и научного сознания [Текст] / М.И. Мирошниченко // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. Сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.Д. Морозова, В.Б. Жиромской. – Пенза: ПГСХА, 2014. – С. 64-67 (0,2 п.л.)

66. Мирошниченко, М.И. Женотделовки на Урале (1919 – январь 1930 г.) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Наука ЮУрГУ: Мат-лы 66-й науч. конф. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. – С. 913-921 (0,6 п.л.).

67. Мирошниченко, М.И. Работницы Екатеринбургской губернии в начале 1920-х гг.: женщины в женских и неженских профессиях [Текст] / М.И. Мирошниченко // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. Мат-лы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию д.и.н., проф. А.В. Бакунина. Екатеринбург, 4-5 декабря 2014 г. – Т. 1. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2014. – С. 434-438 (0,3 п.л.).

68. Мирошниченко, М.И. Советские женские гендерные модели: особенности и преемственность [Текст] / М.И. Мирошниченко // Гендер. История. Общество: Мат-лы VII Всерос. конфер. с междунар. участием. – Липецк: «Гравис», 2015. – С. 36-38 (0,1 п.л.).

69. Мирошниченко, М.И. К вопросу о выявлении динамики численности женщин на Урале в 1920-е – середине 1930-х гг. [Текст] / М.И. Мирошниченко // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. мат-лов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 89-93 (0,4 п.л.).

70. Мирошниченко, М.И. «Мусульманки интересуются советским законодательством гораздо больше, чем русские крестьянки»: мусульманки Урала и новая жизнь (1920-е – первая половина 1930-х годов) [Текст] / М.И. Мирошниченко // Гендер. История. Общество: Сб. ст. и тез. докл. VIII междунар. науч. конф. – Липецк: «Гравис», 2015. – С. 41-43 (0,2 п.л.).